
Светлана Панина
ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ
18+

Светлана Панина

Окончательная регистрация

«Автор»
2026

Панина С.

Окончательная регистрация / С. Панина — «Автор», 2026

Что, если после смерти вам придется исправить главную ошибку своей жизни? Олег получает такую возможность, но цена за нее — вечность в Эхомире, призрачном измерении, где время застыло. Его единственным проводником становится таинственный травиат — дух, застрявший здесь на 500 лет. Правила Эхомира исключают общение между призраками, но это происходит. Почему именно эти двое видят друг друга? Какую тайну хранит травиат, чей рассказ ведет во Флоренцию времен Лоренцо Медичи? И сможет ли Олег помочь жене, чья жизнь рушится из-за его слабости?В книге есть:— Две временные сюжетные линии: наши дни и конец 15 века— Три локации: Севастополь, Санкт-Петербург, Флоренция— Заговор Пацци — Скелеты в шкафах— Предательство и искупление— ПослесмертиеВам понравится книга, если вы любите:— Внутреннюю рефлексию персонажей— Переплетение времен и судеб— Скрытые подтексты и символизм— Историю и реконструкцию знаковых исторических событий— Обычных героев со слабостями и достоинствами

© Панина С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Увертюра 6
Часть 1. «Я для тебя останусь светом» 7
Часть 2. «Всё оплачено — не уйдешь» 11
Часть 3. «Место нашей встречи» 16
Часть 4. «Пьяный честнее трезвого» 23
Часть 5. «E fiorirà il sogno a noi negato 29
Часть 6. «Падаю с неба сгоревшей кометой» 34
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Светлана Панина
Окончательная регистрация

Окончательная регистрация

«Я понял одну нехитрую истину — чудеса надо делать своими руками. Если душа человека жаждет чуда — сделай ему это чудо. Новая душа будет у него и новая у тебя»
Александр Грин «Алые паруса»

«Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишён возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?»
М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

«Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва»
Послание Иакова 2:26

«Пожалуйста, не двигайся, постой,
Послушай музыку,
Это играет вечность…»
«Мачете»

Увертюра

Baroque Assembly Of Vienna — «Adagio for String and Organ»

Я думал, что это касается только меня.

Мне казалось, я все рассчитал, все спланировал, все держу под контролем.

Что успел все исправить.

Вот уж точно — человек предполагает.

Времени мало, бегу к Спортивной.

Вдоль реки Ждановки. Мимо витрин и старого стадиона «Петровский».

Вылетаю на Большой проспект Петроградской стороны, прямо на пешеходный переход…

Петербург уже просыпается, едут редкие машины, и одна из них несется прямо на меня. Свет фар слишком яркий и я теряюсь, против логики и здравого смысла замираю прямо посреди дороги, успеваю вспомнить злополучный перекресток на Приморском шоссе… Секунда — и свет фар поглощает меня целиком.

Я ошибался.

А самое горькое — я ошибался по всем пунктам.

Часть 1. «Я для тебя останусь светом»

Валерий Стронский — «Останусь»
Julian Lloyd Webber, Royal Philharmonic Orchestra, James Judd — «Caccini: Ave Maria»

Нас всех обманули.

В начале был свет.

Очень много солнечного света. Ослепительный, он заливал всё вокруг и был таким плотным, словно туман, за которым ничего не видно.

И только потом появилось слово. Точнее — голос. Мужской. Чуть хриплый. Спокойный. Даже вкрадчивый.

— Всё хорошо... Всё. Хорошо.

Показалось, чьи-то пальцы осторожно коснулись моего плеча. Но я не видел собственного тела — странное ощущение, меня словно не было, я мыслил, но не существовал, и всё равно завертелся, пытаясь увидеть говорившего. Наверное, так же чешутся пальцы давно ампутированной руки.

Но вокруг был только свет.

— Что происходит? — собственный голос показался мне чужим. Словно в старой некачественной записи, когда знаешь, что это ты говоришь, но всё равно что-то не то.

— Все хорошо. Не спешите. Присядьте.

Присядьте? Звучало как издевка. Я по-прежнему видел только чертов свет. Ни стула. Ни себя самого. Присядьте… У меня вообще есть руки и ноги?

— Что происходит? — повторил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойнее. Кажется, получилось. Я даже узнал сам себя.

— Мне очень жаль. Вы умерли. Мои соболезнования.

В первый момент — ступор. Ну что за бред?!

А потом стали возвращаться воспоминания. Призрачные, размытые, точно пытаешься вспомнить сон: образы чувствуешь, но они ускользают.

Сумерки…

Какая-то дорога… Шоссе? Какой-то проспект?

Вода блестит на солнце… Нева?

Ровные ряды сосен… Или это фонарные столбы?

Наташкин голос, как будто по телефону…

Знакомый перекресток — никогда его не любил!

Внезапно два ярких огня прямо передо мной, как будто свет автомобильных фар — снова ослепительный свет! Резкий, надвигающийся, из ниоткуда, словно чёрт из табакерки…

Жуткий грохот…

Это воспоминания? И о чём? О моей гибели? Слишком уж много разного перемешалось.

Показалось, ноги подкосились, хоть я до сих пор их не видел и не чувствовал. Сердце забилось как сумасшедшее — у меня всё-таки было сердце? Рука машинально схватила воздух, пытаясь найти опору. И внезапно нашла её! Кто-то подхватил меня под локоть, помог устоять на ногах, а потом опуститься на стул — я почувствовал мягкость сиденья и спинки. Странно, что я всё это ощущал, не видя ничего, кроме света.

— Всё в порядке. Это скоро пройдёт, и станет легче.

— Я… попал в аварию, да? Я в больнице? В реанимации?

— Вы умерли, — скорбно повторил голос. Словно это всё объясняло.

Я бы взглянул на собеседника, хотелось увидеть его глаза, но вокруг был только свет. Как довериться одному лишь бестелесному голосу? Я привык полагаться на мимику, на жесты, на

язык тела. Я хорошо «читал» людей, легко угадывал их замыслы. Но что «читать», если есть только голос, пусть он и звучит уверенно.

Или я просто не хотел верить тому, что слышал?

Как я мог умереть, если я… думал… Пусть не видел своего тела, но ведь ощущал его каким-то странным образом. А главное — что-то чувствовал, испытывал страх и растерянность… Я помнил себя, детство, юность, учёбу, женитьбу… Как я мог быть мертвым? Мыслю — значит, существую, так ведь? Нас всегда этому учили. Или существовать — не обязательно быть живым?

Голос, точнее тот, кто говорил со мной, молчал. Словно выжидал. Рассчитывал, что я приму и осознаю услышанное вот так сразу, как по щелчку? А это вообще возможно пройти все стадии принятия в один миг? Ощущалось именно так: отрицание, гнев, торг, депрессия, даже смутные зачатки смирения с неизбежным — всё разом. Я пытался. Пусть не принять и смириться, но хотя бы собрать себя воедино. Не знаю, почему не впал в истерику. Наверное, когнитивный диссонанс не позволил. Очень хотелось найти всему происходящему какое-то рациональное объяснение, должно же оно быть, раз это всё происходит, но не было ни одной внятной мысли, хоть я и пытался, очень пытался, но в голове, казалось, клубился тот же плотный, похожий на туман, свет. Я цеплялся за мифы и легенды, за свет в конце туннеля, за ад и рай… Да черт возьми, с чего этот Голос вообще решил, что я умер? Кто он такой? Ну не Святой же Петр! Или всё же…

Не знаю, сколько я так сидел… существовал… или что со мной происходило... Было ли вообще тут время. И пространство. И распространялись ли на меня их законы. Но свет, наконец, начал тускнеть и истончаться. Если сперва он походил на плотный бархат, за которым ничего не видно, то потом — на полупрозрачный шёлк, сквозь который угадываются силуэты и тени, а ещё позже — на тончайшую вуаль, всю в прорехах, словно изъеденную молью. Я, наконец, увидел свои руки и ноги — они были обычными, такими как я и привык. Не было ни синяков, ни царапин, ни тем более переломов и ран. И одежда на мне была самая обыкновенная, целая и чистая — синий джемпер и джинсы, в которых я ехал в машине. Но если я попал в аварию, так не должно быть.

Прошло ещё время, и я смог разглядеть комнату — она тоже выглядела обычно. Дорогобогато, но обычно. Просторный уютный кабинет или, скорее, домашняя библиотека, как в английском доме девятнадцатого века. Пахло старой пылью и как будто ладаном — почему-то запахи я ощущал. Оказалось, я сидел не на стуле, а в мягком винтажном кресле. И вся мебель в комнате была массивной, из тёмного дерева. Огромный стол с витыми ножками, лампа с зелёным абажуром. Над камином — картина в духе Сандро Боттичелли, какие-то нимфы в венках пляшут вокруг музыканта. Рядом — такой же инструмент, как на картине, похожий на скрипку. А вдоль стен — стеллажи с книгами. Огромное множество книг: толстые, тонкие, с переплётами самых разных цветов, даже в глазах слегка рябило. Единственное, чего я не мог разглядеть — названий на корешках. Кажется, их вовсе не было.

Наташка любила книги. Наверное, больше всего другого. Пробовала многое, увлечения вспыхивали и гасли, что-то я разделял, что-то — нет, но чтение было единственным, что сопровождало её всю жизнь. Даже когда мы познакомились, Наташка читала. Если я и правда умер, что будет с ней? Эта мысль сперва лишила дыхания, а потом растеклась по телу странным теплом. Воспоминания о жене внезапно придали сил и помогли собраться.

Пелена спала окончательно. Я чувствовал и слышал собственное дыхание. Чувствовал покалывание в кончиках пальцев. В шее привычно похрустывало, когда я вертел головой, озираясь. И наконец я увидел того, кто говорил со мной — мужчину, за пятьдесят, с аккуратно подстриженной бородой — словно только что из барбершопа, в классическом костюме и галстуке — слишком современном, но вполне в духе этой комнаты. Незнакомец стоял у камина, разглядывал картину и время от времени поглядывал на меня.

— Пришли в себя? — улыбнулся он, поймав мой взгляд.

Он не играл, улыбка была искренней. Участие с лёгкой примесью сожаления — вот и всё, что я увидел в его глазах. Он ждал, но я не ответил. Вопросов было много: кто он, и что это за место, и где я вообще, и зачем, и что, наконец, со мной случилось, и как всё это понимать. Но я молчал. Слишком банальными казались все эти вопросы. Словно было что-то важнее и глубже, но оно затерялось за этой поверхностной шелухой.

Мужчина шагнул ко мне, кажется, хотел что-то сказать — губы дёрнулись, рука взлетела в каком-то жесте. Я опередил:

— Что с моей женой?

Я слышал её голос, когда все случилось. Значит, она была где-то рядом? Мы шли куда-то? Или ехали в машине? Она пострадала или нет? Хоть бы нет! Но если я здесь, то где она?

Мужчина замер:

— Не могу знать. Не в моей власти, увы.

— В чьей?

— Может в вашей, — пожал он плечами. — Время покажет. Зависит от того, почему вы здесь.

— Здесь — это где? — всё же спросил я.

Он ответил не сразу. Подошёл ближе, постоял у стола, раздумывая, пощёлкал ногтями по зелёному стеклу лампы, потом опустился в ближайшее ко мне кресло. Взгляд его стал серьёзнее, даже пытливее, словно мужчина пытался предугадать мою реакцию на ответ.

— Назовём это Чистилищем. Хотя такое определение будет не совсем верным.

Я фыркнул и отмахнулся. Хотелось сказать что-то язвительное, но ничего на ум не пришло.

Мужчина вздохнул:

— Вы умерли.

— Угу, всё понятно, — я резко встал. — Спасибо за беседу, было полезно. Но боюсь дальнейшее общение будет малопродуктивным.

Говорил заученными фразами, на автомате, как на работе после неудачной встречи, а сам озирался. И внезапно понял, что в библиотеке нет окон. Совсем. Стены были наглухо заставлены стеллажами с книгами. А вот дверь была. Незаметная, в тон мебели, но была. Я шагнул к ней, ручка послушно повернулась, дверь распахнулась, и я уставился… в ничто. Я ожидал увидеть коридор или другую комнату, улицу, наконец — да что угодно, но не мглисто-серый туман, повсюду: внизу, вверху, прямо… За дверью не было ни пола, ни потолка. Там ничего не было. Только клубящаяся мгла. Как противоположность тому свету, в котором я захлебывался совсем недавно.

Мужчина мягко оттолкнул меня, захлопнул дверь, молча взял мою руку, оттянул рукав джемпера и вонзил в запястье тонкий нож для резки бумаг. Машинально я закричал, но тут же понял, что ничего не чувствую, только лёгкий холодок. Изящная рукоять из красного дерева торчала из запястья, но боли не было, как и крови. Я уставился на нож, сам не знаю в ожидании чего. А мужчина вздохнул и пошевелил его рукоять туда-сюда. На этот раз мой крик вышел вялым, машинальным, больше похожим на стон, в итоге я просто замер с открытым ртом, не пытаясь издавать каких-то звуков — представлял, как острое лезвие движется прямо в моей руке, но так и не чувствовал боли. Так, легкое поглаживание. Не отрывая глаз смотрел, как незапятнанный нож выходит из моей руки, не оставляя даже пореза, потом уставился на мужчину.

— Вы умерли, — уж не знаю в который раз повторил он.

А я почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Желудок скрутило — мама так сворачивала белье во время стирки, чтобы отжать воду. Я рванул в ближайший угол, согнулся, ожидая, что меня вырвет. Закашлялся — и только. Ничего более не произошло. В ушах било

набатом, воздух казался плотным и с трудом проходил в ноздри и лёгкие. Да что за чертовщина тут творится?! Мозг неё отказывался принимать очевидное.

Перекресток, свет фар, удар…

Да нет, не может быть… Я чувствовал себя живым!

Клубящаяся мгла за дверью, лезвие в моем запястье…

Желудок снова рванулся наружу, и я опять закашлялся, словно пытался вытолкнуть из себя весь воздух.

Огонь в ближайшем светильнике задрожал. Свечи! На столе была обычная электрическая лампа, но во всех светильниках вдоль стен горели свечи. Пару мгновений я тупо смотрел на них, где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что огонь в библиотеке, среди книг — такая себе идея, а потом я протянул руку и коснулся его ладонью.

Ничего.

Я видел, как приплюснутый огонек лижет кожу, но боль не приходила. Я изо всех сил впечатал ладонь в свечу, воск брызнул на пальцы, наверняка горячий — ничего.

Я развернулся, уставился на мужчину — тот снова сидел в кресле и наблюдал за мной. Я ждал, он скажет хоть что-то. Но он лишь пожал плечами и взглядом указал на свободное кресло.

Часть 2. «Всё оплачено — не уйдешь»

Возвращение — «Глубина»
Paolo Vivaldi — «Sentimental Drama»

— Ну рассказывайте. Вы же для этого здесь?

Мужчина вскинул брови — и только. Во взгляде мелькнуло удивление, но тут же сменилось уже привычной пытливостью. И я понял — он не станет ничего объяснять, пока не убедится, что я действительно готов слушать и воспринимать его слова.

— Я умер, да. Я уже понял.

Я лукавил, и мой резковатый тон это выдавал. Понять-то — понял, да, но до конца так и не принял. Осознать всё ещё не удавалось — слишком уж масштабным всё это было. Я никогда не был религиозным. Да, каждый год исправно ел блины на Масленицу, обменивался разноцветными яйцами и куличами на Пасху, однажды, забавы ради, даже купался в проруби на Крещение, но это всё было, скорее, развлечением, чем-то из детства, увлекательной традицией, а не актом веры. Яйца оставались для меня просто крашеными яйцами, а не Гробом Господним. Звезда на новогодней ёлке — просто красивым украшением, а не Вифлеемской звездой. Я не верил в призраков, в переселение душ, в реинкарнацию. Со скепсисом слушал рассказы про клиническую смерть и свет в конце тоннеля — хотя сейчас готов был в это поверить. Я вообще не особо задумывался, какая из религий права и что будет после смерти, а если бы спросили, ответил бы, что не будет ничего, полное забвение. Но что тогда стало со мной? Ведь я умер, сомнений в этом было всё меньше. И кто я теперь? Тот свет, что я видел — что это? И где я нахожусь?

— Так что это за место? Чистилище, да? И вы тогда кто? Кто-то вроде Святого Петра?

На лице мужчины мелькнула полуулыбка.

— Сам Святой Петр?

Теперь он улыбнулся отчётливо. Качнул головой — не понять, то ли кивнул, соглашаясь, то ли отмахнулся от моего предположения. Ладно, разберемся.

— И что? Будете решать чего я достоин: ада или рая, так что ли? Ну валяйте, решайте!

Я откинулся на спинку кресла. Мне было из-за чего волноваться, что уж. Святошей я не был, в церковь каждую неделю не ходил — ни в какую. Но кто не ошибался? Кто не делал глупостей? По крайней мере я никогда не бежал от ответственности и старался исправить свои косяки. От моих ошибок никто не пострадал. Я не подставлял, не предавал, не бил в спину.

Мужчина молчал, и это начинало тяготить. В такие моменты трудно не начать взвешивать собственные ошибки. Сейчас они показались мне куда серьёзнее, чем виделось при жизни. Была только одна вещь, за которую я чувствовал вину, но это давняя история. И решённый вопрос. Окончательно и бесповоротно решённый. И я всегда думал, что это моё личное и касается только меня и Наташки, тем более я все делал ради неё… Было странно думать, что теперь кто-то посторонний будет это оценивать и измерять, что ли. Было в этом что-то неправильное.

— Ну давайте, решайте. Рассказывайте, — не выдержал я. — И вот то, что за дверью — тоже интересно, что это?

Он помолчал, разглядывая меня.

— Ну... Вы умерли.

Я мрачно усмехнулся:

— Кажется, эта новость — уже давно не новость, — раздражение подступало, вытесняя недавнюю панику и растерянность.

— Ваша злость ничего не изменит. Всё уже случилось.

— Это я виноват? В аварии? Кто-то ещё пострадал?

Я помнил яркий свет фар, значит был и другой водитель. Наверное, я поздно спохватился. Я почти не помнил, что произошло, мутные образы не спешили проявиться и обрести чёткость, но трудно было не волноваться — что если авария станет отягчающим обстоятельством? Что если я здесь именно поэтому — вдруг я убил человека?

Я что, реально поверил в Высший Суд? И заранее смирился?

— Не могу знать. Меня там не было.

Я кивнул. И вдруг вспомнил о жене. Наташка не любила, когда я говорил по телефону за рулем, пускай и по громкой связи, твердила, что любое общение отвлекает от дороги. Что если именно это и произошло? Тогда она всё слышала: удар, оборвавшаяся связь и бесконечная тишина. Страшно представить, что Наташка пережила в тот миг... Что будет с ней... без меня? Наташка... Мысли понеслись галопом, обгоняя друг друга. Меня затопило жалостью и смутным раскаянием. Библиотека закружилась, и я не сразу понял, что переместился. В свою собственную квартиру.

Сперва растерялся. А потом увидел Наташку, сидящую на полу перед открытым шкафом, с одним из моих костюмов в руках. Глаза красные. Лицо посеревшее. Наташка крайне редко плакала, и её слезы всегда били меня наотмашь, так что я готов был сделать что угодно, согласиться на все, лишь бы остановить это. И теперь рванулся к ней, опустился рядом на колени, протянул руки, чтобы обнять, успокоить, сказать, что всё будет хорошо. Руки скользнули сквозь неё, я успел испугаться, упал и… будто провалился сквозь пол, а в следующий миг очутился в библиотеке, на ковре, в двух шагах от кресла.

Сел, растерянно озираясь. Мужчина хмурился, разглядывая меня.

— Что сейчас произошло? — выдавил я.

— А что вы видели?

— Мою квартиру, спальню… И жену… Я вдруг оказался там, рядом с ней… Мне не померещилось? Это было взаправду?

Он кивнул.

— Да, мы можем посещать реальный мир. Обычно — людей, которые нам близки или перед которыми виноваты. Иногда даже места, которые очень много для нас значат.

— Как мне… Почему я вдруг вернулся?

На миг он поджал губы, как бы показывая неуверенность:

— Вы ещё научитесь. Вы и так быстро осваиваетесь. Должно быть, между вами с женой очень сильная связь. Признаюсь, мне не часто выпадало быть наставником, так что у меня было мало... подопечных, но такое я вижу впервые… Самому мне понадобилось больше месяца…

— Наставником? — я поднялся с пола, плюхнулся обратно в кресло. Казалось, сил не осталось, ноги едва держали. Слишком много всего сразу. Я не справлялся. — Рассказывайте уже! Кто вы такой?

— Травиат. Так мы себя называем. И вы теперь один из нас, застрявших здесь, в Эхомире. Или Лимбо, или Чистилище — если так будет проще понять. Название — не столь важно.

— То есть я — призрак? И вы тоже?

Звучало глупо, как сюжет для сопливо-романтичного или, наоборот, комедийного фильма.

Травиат кивнул — по крайней мере это его подергивание головой я принял за согласие.

— Призраки, неприкаянные души — называйте как хотите.

— А держит нас незавершенное дело? — усмехнулся я. — Как-то это…

Взмахнул рукой, пытаясь подобрать слова. Не хотелось говорить «банально», но другое слово на ум не приходило. Травиат не стал ждать, пока я его подберу:

— Не дело, нет. Неисправленная ошибка. Ну или ошибки. Вы верующий человек?

Я поморщился, тряхнул головой. Не потому, что предположение меня задело — просто всё происходящее не укладывалось в привычные мне теории, я будто пытался натянуть сову на глобус.

— Жаль. Проще всего объяснить через концепцию греха и обязательного искупления, хотя это и не совсем точно. Речь не о грехах в привычном библейском понимании. Речь именно об ошибках. Порой неосознанных — и это самое сложное. Вы сделали при жизни что-то, что сильно повлияло на других, плохо повлияло, но не смогли или не успели это исправить, устранить ущерб. Но исправить придется. Поэтому вы здесь. За всё нужно платить.

Я поморщился. И не только потому, что последняя фраза прозвучала слишком высокопарно — просто не нравилось то, что слышу. Слишком неопределенно, слишком субъективно. Куча моих решений кому-то делали хуже, даже когда у меня цели такой не было — а как иначе? Бывало, мои решения делали хуже мне самому. А уж если вспомнить работу… Просто так устроена жизнь: один находит, а другой теряет. Я получил проект — другой проиграл, и это отразилось на всей его жизни. Это в фантастике никто не уходит обиженным. Реальная жизнь другая — невозможно осчастливить всех. Мы вынуждены лавировать и выбирать. Но мне всегда нравилось думать, что у меня есть принципы. И уж точно у меня были приоритеты — я всегда выбирал семью. Наташку. Даже в ущерб себе.

Что-то царапнуло по сердцу — кажется, я начинал понимать, перед кем я провинился. Но его я никогда не видел — в этом моя ошибка? Но это невозможно исправить! Никак! И это не было моим решением! Или все же было? При жизни всё казалось проще, сильно проще. Почему теперь вдруг усложнилось?

— То есть это наказание?

— Я предпочитаю называть это работой над ошибками… шансом исправить… — слово травиату не понравилось, и он поморщился, потер пальцы, подбирая другое. — Скажем так, устранить ущерб, который вы причинили.

— И пока не устраню…

— Останетесь здесь. Поэтому так опасны случайные ошибки. Увы, не каждому выпадает шанс на искупление. Я жду его уже пятьсот с лишним лет, хотя моя ошибка случайной не была. Я сразу понял, почему я здесь.

— Пятьсот! — это что же, неоплаченные долги там оплатили моё пребывание здесь? — Поэтому вы говорите со мной? Вы здесь главный?

Травиат усмехнулся:

— У нас нет главного. Да это было бы странно. Мой наставник говорил, Эхомир выбирает кого-то наиболее близкого по духу, что ли. Того, кто сможет лучше объяснить и помочь освоиться. Потом я вернусь к себе.

— А я?

— Раз вы здесь — за вами должок. Думайте. Исправляйте. А до того вы останетесь в Эхомире. Это, — он взмахнул рукой, указывая на библиотеку, — только начало. Эхомир подстроится. Создаст для вас идеальный Покой. За дверью не всегда будет пустота. Там вы будете чувствовать, что-то ощущать, правда это лишь эхо узнанного при жизни. — На секунду он задумался. Может пытался угадать, каким будет этот мой Покой? — Здесь может быть неплохо. Особенно, если любите одиночество.

— Одиночество?

— Травиаты не общаются друг с другом, это невозможно. Скоро я покину вас, и более мы не увидимся.

— А если вы плохо объясните? Если в процессе у меня возникнут вопросы…

— То вам придется всё постигать самостоятельно, — травиат пожал плечами. — Ошибочные решения мы ведь тоже принимаем самостоятельно.

— Имя у вас хоть есть?

Он усмехнулся. И я понял — какой смысл в имени, если мы больше не встретимся. Я всё ещё был растерян, вот в голову и лезли нелепые мысли. Я молча кивнул в ответ, просто чтобы дать понять, что уловил намек, и огляделся. Мне нравилась эта комната. Никогда не любил современные интерьеры: лаконичные, выбеленные и пустые. Будто мёртвые. Я всегда мечтал о подобном месте — о целом доме, старомодном, в котором будет и уютный кабинет для работы, и отдельная библиотека для Наташки, и просторная гостиная с камином для долгих посиделок с друзьями, и чтобы стены обиты деревом, и массивная мебель, и тяжёлые шторы. А за окнами — сад с цветущими вишнями и яблонями. Сейчас конец апреля — им самое время цвести.

Наверное, я опять задумался не о том. Травиат всё так же сидел в кресле, глядел на меня. Надо было вникнуть в суть, спросить его о чём-то важном, пока была такая возможность. Но мысли упорно ускользали, не шли в руки. Да и был ли смысл задавать вопросы, если «всё сам» — часть искупления? На это же намекал травиат?

На смену недавней панике приходило опустошение. Эмоции рассеивались, думать не хотелось. Мне бы остаться одному, сейчас бы это помогло: спокойно всё переварить, подумать, понять из-за чего я здесь. Но мозг увиливал, как будто боялся, что понимание это будет слишком болезненным, и пытался меня защитить. А может просто для него было чересчур много нового.

Я снова вспомнил Наташку — не выходил из головы её образ, то, как она сидела на полу, перебирая мои вещи. Готовит похороны? Или уже освобождает шкафы от ненужного? Но не слишком ли быстро?

— Время здесь идет иначе? Ну, в Эхомире, — было странно произносить это название. Наверное, я всё ещё противился происходящему.

Травиат покачал головой:

— Нет, все синхронно. Хотя порой кажется, что здесь время течет медленнее, а то и вовсе останавливается, — на несколько секунд он умолк, почесал кончик носа. — В самом начале какое-то время нужно, чтобы проявиться, у всех по-разному, у кого-то день, у другого — неделя, у кого-то — месяц. Думаю, это зависит от вины. А дальше… Сможете наблюдать, как появляются на свет и растут ваши внуки, правнуки… их дети и правнуки… Как они делают свои ошибки и глупости… И как они умирают…

Судя по тону, он знал, о чём говорил.

— Мрачная перспективка, — буркнул я. — А ведь кто-то отдал бы руку за такое.

Травиат приподнял брови в немом вопросе, и я покачал в ответ головой — точно не я. Никогда не хотел жить вечно. Особенно, когда вечность досталась тебе одному, и ты ничего не можешь в ней изменить — только наблюдать за тем, как все проходит мимо. Это больше походит на пытку, чем на подарок судьбы. Что ж, тем больше будет мотивация… как там травиат сказал, заплатить за ошибки?

— Что мне доступно? Травиатам. Я могу вступать в контакт с живыми людьми? На что-то влиять? На людей? Что-то им внушать?

Какое-то время травиат размышлял, поглядывая на меня. В его взгляде сквозила неуверенность. И я снова не понимал, сомневается он во мне или в своих знаниях. Нелегко было его «читать». Слишком нейтральными и выверенными были все его манеры.

— Если внушить — это подчинить своей воле, то нет. Заставить что-то сделать или вселиться в чужое тело мы не можем. Передвигать предметы и оставлять послания тоже. Но можем вызывать эмоции и воспоминания. Некоторые люди нас чувствуют. По сути это единственный способ повлиять на живого человека. Мой наставник говорил, что мы можем общаться через сны, только мне это никогда не удавалось. Говорят, проще всего с теми, с кем была крепкая связь, кто вас помнит и любит, но и с посторонними возможно. Многое зависит от цели.

— И как мне снова попасть в реальный мир, к жене? Что нужно делать? Как этим управлять?

— Представить место и шагнуть туда, — травиат улыбнулся. — Звучит проще на словах, чем на деле. Порой это вообще не удается, порой получается само собой. Сильные эмоции помогают, но не всегда. Другая сторона может закрыться, если настраиваетесь на человека. Вы научитесь. Всё придёт, когда освоитесь здесь. Думаю, очень скоро.

Я посмотрел на дверь.

Травиат заметил, кивнул:

— Попробуйте. Вы, кажется, успокоились. Может, там уже что-то есть. Но учтите, как только вы покинете эту комнату, мы больше не увидимся. Травиатам нет входа в чужой Покой. Каждый сам по себе.

Ну да, ну да. Припоминаю. Потому что ошибаемся мы тоже каждый сам по себе.

— А это? — я оглядел комнату. Почему-то я решил, это и есть место, где я теперь буду жить.

— Лишь временное пристанище. Пограничная застава, если угодно. Здесь свои законы. Эта комната создана комфортной для нас обоих, и исчезнет, как только вы обретёте свой собственный Покой. Эхомир создаст что-то важное лично для вас. Говорят, это подсказка. Но мне свою разгадать не удалось.

Я нерешительно встал. Казалось, мне не о чем больше спросить. Со мной всегда так — большинство вопросов приходят уже в процессе решения задачи.

— Что ещё мне важно знать?

На мгновение травиат поджал губы.

— Попробуйте, как говорится, примерить чужие туфли. Иногда это помогает понять. И найти выход. Иногда.

Я не стал говорить, что думаю о подобных советах. Просто кивнул в ответ. Подошёл к двери.

Может за ней ничего и нет.

В конце концов, я же не обязан сразу туда идти, могу задержаться в этой комнате. Одиночество всегда меня пугало, а уж в этой ситуации — и подавно. Мною двигало больше любопытство, каким окажется мой Покой, чем желание расстаться с травиатом. А ещё хотелось прогнать из памяти ту клубящуюся серую мглу.

Латунная ручка чуть холодила ладонь — я медлил, не решался повернуть её и распахнуть дверь. Взглянул на травиата:

— Каков ваш Покой? Чем он оказался?

Тот качнул головой, и я успел решить, что отвечать он не станет, как услышал:

— Домом. Правда, чужим домом.

Я хмыкнул и повернул дверную ручку.

Часть 3. «Место нашей встречи»

Димаш Кудайберген — «Я скучаю по тебе»
Kevin Kern — «Childhood Remembered»

Увиденное так поразило меня, что я невольно сделал пару шагов вперед, переступив порог, а когда сообразил — дверь за мной захлопнулась и исчезла. И я остался посреди пустого пляжа.

Широченная песчаная полоса разбегалась в разные стороны. Море волнами накатывалось на берег. За линией пляжа виднелись дома, частные, совсем небольшие.

Место я узнал мгновенно.

Чёрное море.

Севастополь.

Любимовка.

Интересно, слова травиата могли повлиять на меня и мой Покой? Как оно работает?

Никогда не считал это место родным, хотя тут жила бабушка по маминой линии и меня многое с ним связывало.

Я огляделся.

Сейчас здесь все по-другому, я знал. Появились кафешки, спасательные вышки, шезлонги с зонтиками. Сам пляж стал ухоженнее. Да и дома в поселке изменились — советский частный сектор стал больше походить на современный коттеджный. Но мой Покой оказался копией Любимовки именно из детства, какой она была в начале нулевых.

Я недолго постоял у моря, глядя на прибой. По небу ползли белёсые тучи. Недавно прошел шторм, и воздухе висели влага и густой запах водорослей. Я заметил выброшенную на берег медузу, слегка потрёпанную, и вернул её обратно в воду — не знаю, был ли в этом смысл, ведь я не в реальном мире, но не оставлять же её. Медуза оказалась противно-склизской, так что пришлось пополоскать руки в морской воде, по-летнему тёплой, и волны щедро окатили меня пеной, замочив кроссовки и джинсы.

Все было таким… настоящим. Казалось, я снова живу. В библиотеке я не ощущал ничего, ни боли от ножа, ни мягкости кресла, здесь же чувства постепенно возвращались, хоть и казались не такими острыми и яркими, как при жизни. А может мне просто чудилось, что я всё это ощущаю? Но думать над этим не хотелось — главное, чувствую хоть что-то. Влажный песок пружинил под ногами. Сырой ветер трепал волосы и холодил шею. В кроссовках хлюпало, но разуваться не хотелось — да и какой смысл, что мертво заболеть не может. Наоборот, это обыденное хлюпанье только добавляло жизни всему вокруг и напоминало о детстве — сколько раз я вот так бегал в сырых кроссовках после неудачной ловли мелких крабиков или криля.

Я побрёл в сторону посёлка — туда, где когда-то жила моя бабушка. На мгновение задержался у небольшого домика за простым деревянным забором — лет семь назад он сгорел, вместе с хозяйкой. Поглядел на пустую лавочку у калитки, на черепичную крышу, и пошёл дальше. Сперва узкой тропинкой, потом по дороге вглубь посёлка — так же, как в детстве бегал купаться.

Почему именно это место стало моим Покоем? Не сказать, чтобы ребёнком я часто здесь бывал — мы с родителями жили в самом Севастополе, в Любимовку выбирались от случая к случаю. Родители чаще, а я — только на шашлыки по праздникам или по поводу — помочь с мелким ремонтом в доме да собрать персики или черешню. Летом я предпочитал городские пляжи, в Любимовке друзей у меня не было. Казалось, бабушка приезжала к нам чаще, чем мы к ней. Любимовка стойко ассоциировалась у меня с Наташкой и её семьей — это было их место. Намёк, значит?

Баб Нелин дом оказался точно таким же, как в детстве. Потом его подремонтировали и продали, но здесь он был прежним — белёные стены, серая шиферная крыша, синие оконные рамы. Забор и калитка тоже были синими — краску пора было обновить, местами она облупилась. Я толкнул калитку и опешил — заперто. Потянулся через неё, пытаясь нащупать щеколду — она не поддавалась, будто заклинила. Ладно, забор не такой высокий, можно и перелезть. Через пару минут я стоял во дворе и осматривался. Среди листьев громадной черешни краснели ягоды. На дорожке, что вела к дому, тускло поблёскивали лужи. Между оконными створками торчал кончик тюлевой занавески — словно окно захлопнулось от сквозняка.

Подёргал входную дверь — тоже заперто. Поднажал, даже пару раз с силой толкнул её плечом — никакого результата. Вот это уже странно. Даже не странно — не логично, что ли. Впервые пожалел, что бабушка не хранила ключей под каким-нибудь горшком или за дверным наличником. Оставалось окно. Головой я понимал, что пораниться мне не грозит, травиат это наглядно продемонстрировал, но все равно мешкал — вдруг эта неуязвимость распространялась только на библиотеку? Чувства ведь вернулись, наверное, боль будет вполне настоящей, хоть и не такой острой, как при жизни. С другой стороны — я уже умер, чего бояться! С силой ударил локтем по ближайшему стеклу. Боль была несильной. Наверное, будь я жив, я бы взвыл — все равно что врезал в кирпичную стену. Стекло не разбилось, только зазвенело. Все чудесатее и чудесатее. Видимо, входа в баб Нелин дом мне не было. И всё же я хотел убедиться окончательно — подобрал с земли влажный булыжник и со всей силы запустил им в окно. Стекло задрожало, зазвенело, но даже не треснуло, а камень отлетел от него и, против всех законов физики, вернулся не ко мне, а на то самое место, откуда я его взял.

Пару минут я топтался на месте, размышляя, нужен ли вообще мне дом. Вряд ли призраки спят и тем более вряд ли нуждаются в комфорте и крыше. Потом вспомнил последние слова травиата. Может то, что изначально я оказался именно на пляже, не было случайностью? Может, всё проще?

Обратный путь занял больше времени — я осматривался, иногда дергал чужие калитки и двери, в пару окон запустил булыжниками, но всё повторялось в точности, как в бабушкином доме. Наверное, со стороны я походил на мародёра, который пытается найти себе еду и пристанище в опустевшем после апокалипсиса городе. В каком-то смысле так оно и было.

Только подходя к пляжу я начал понимать, что не так с этим местом. Оно казалось живым и настоящим. Всё здесь было таким, каким я запомнил в детстве. Те же трещины и выбоины на асфальте. Те же изгибы тропинки. Те же деревья и кусты. Те же цветочные клумбы из автомобильных покрышек. Те же качели и лесенки на детской площадке, выкрашенные красно-синим. Те же бельевые верёвки на облупленных столбах. Не такие же, не просто очень похожие — именно те самые. Казалось, каким-то чудом я вернулся в те дни, когда был подростком, и вот-вот за забором покажется бабушка Неля и недовольно позовёт меня обедать… промчится, перекликаясь и противно трезвоня, ватага местных пацанов на великах… из-за угла покажется улыбчивый дед-почтальон с вечной карамелькой за щекой, казалось, они никогда у него не переводились… на дереве застрекочет сорока… Но здесь никого не было, кроме меня. Наверное, надо благодарить провидение, или кто за всё это отвечал, что я не оказался в Севастополе, во дворе, где прошло моё детство и где каждый камень что-нибудь значил. Где всё напоминало о родителях, о друзьях, о радостях и разочарованиях. Видеть те места такими же живыми, но пустыми, словно кропотливо сделанная декорация, было бы совсем невыносимым.

По пляжу гулял ветер, накат на море усилился, стало не по-летнему зябко, и я порадовался, что на мне шерстяной джемпер. В такую погоду инстинкт гонит под крышу: на уютный диван, к интересному сериалу и чашке горячего чая. У меня ничего этого не было. Зато была надежда, что это временно.

На сам пляж я возвращаться не стал. Поглядел издали, как волны шумят и накатывают на берег, как чайки молчаливо кружат в небе — надо же, здесь были птицы, хоть какая-то

жизнь. Всё это умиротворяло. А мне нужно было немного спокойствия и уверенности в себе для последней проверки.

Вдруг вспомнилось, как почти двадцать лет назад я бежал на этот самый пляж, но встал как вкопанный на этом же месте…

…Впереди искрилось под ярким солнцем и манило прохладой море, а я думал только об одуряющем запахе вишни и сдобы, что доносился из открытых окон небольшого домика под черепичной крышей. Минуту назад я вообще не был голоден и мечтал только о том, чтобы вдоволь накупаться в море и вернуться домой к ужину и полуфиналу Чемпионата мира по футболу (Германия против Италии — шутка ли!), но в один миг всё это вылетело из головы, а живот свело от жгучего желания откусить сразу половину горячего пирожка с вишней — я был уверен, что пахнет именно ими. Из дома доносилась задорная «Hips Don't Lie[1]» Шакиры — чуть ли не главный хит того лета, и ноги сами понесли меня вдоль забора. Я зачем-то заглядывал во двор, как будто пирожки могли печь прямо на улице, и ничего вокруг не замечал.

— Рано ещё, через полчаса приходи.

Я запнулся, уставился на девчонку, что сидела на лавке возле калитки. Наташка. Правда, в тот момент я понятия не имел, как её зовут. Обычная девчонка. Нос в веснушках, карие глаза как будто золотились на солнце, тёмные волосы собраны в высокий и уже растрепавшийся хвост, кожа на плечах облазила. Ничего особенного в ней не было, разве что книга в руках — толстый томик Драйзера, «Американская трагедия». Кто вообще читает Драйзера, ещё и летом, тем более во сколько… тринадцать? четырнадцать лет? Скорее тринадцать — Наташка выглядела совсем девчушкой.

— Через полчаса, не раньше, — равнодушно повторила она и уткнулась в книгу. Как будто я был не первым, кого привлек запах пирожков. Как будто именно для этого она здесь и сидит — сообщать всем, когда те, наконец, испекутся…

Я тряхнул головой, отгоняя воспоминания — не время. Подошёл к лавочке, той самой, на которой сидела тогда Наташка, нежно провёл пальцами по деревянной спинке. Выдохнул прежде чем толкнуть калитку. Та скрипнула и отворилась.

Что и требовалось доказать.

Посреди двора я остановился. Ноги будто увязли в песке, хотя дорожка была выложена мелкой плиткой.

Воспоминания набросились на меня, точно изголодавшиеся блохи. Не столько события, сколько ощущения и звуки.

…Тихий Наташкин смех…

…Обжигающе-горячая вишня на губах…

…И терпкость вина…

…Радость, похожая на пузырьки лимонада…

…Мурашки от вечерней прохлады…

…Полуголые ветви вишни над головой и голубое небо между ними…

…Морские капли на загорелом плече…

…И солёный вкус моря…

…И тепло Наташкиных пальцев…

…Остывающий песок под спиной, свернутое полотенце под головой, небо, усыпанное мерцающими точками, и «Смотри, смотри, звезда падает! — Вообще-то это просто метеор. — Вот ты зануда, красиво же! Романтика! — Мне кажется, ты слишком много книжек читаешь. — Тебе бы тоже не помешало...»

---

[1] Бедра не врут (англ.)

До дома я не дошёл — не смог. В реальном мире его больше не было — этого дома. Все вокруг было, все другие дома, улицы, сады и клумбы — пусть изменились, но они продолжали существовать. А этого дома уже несколько лет как нет. Он такой же призрак, как и я.

Захлестнуло.

Я развернулся и ломанулся на пляж, на ходу стаскивая с себя одежду. Джемпер… Футболка… Кроссовки… Джинсы… Бросил все небрежной грудой прямо на песке. На мгновение задумался, оставлять ли бóксеры, но кого мне стесняться. Остался в чём мать родила и бросился в море, прямо в невысокую волну, так же, как любил делать подростком. Вода оказалась теплее, чем я ожидал — обычно такая бархатистая вода бывает в конце лета, когда цветёт и серебрится планктон. Вынырнув, я долго плыл вперёд — чем дальше от берега, тем спокойнее было море. Оно волновалось, но не захлёстывало волнами, даже наоборот, помогало плыть. Устав, я лёг на спину — было приятно ощущать, как расслабляются мышцы, слышать, как постукивают на дне камешки — в детстве мы думали, что это крабы общаются, щёлкая клешнями. Назад возвращался нехотя. Море словно противилось, не хотело отпускать, тянуло назад. Наконец, я плюхнулся на мокрый песок, чуть ли не на самой кромке прибоя. Бросил взгляд на одежду, но тут же понял, что мне совсем не холодно, несмотря на ветер, и уставился на розовеющий горизонт.

Воспоминание вспыхнуло в голове само собой…

— …А почему не купаешься? Жара ведь.

Наташка глянула на меня исподлобья:

— Анюте может понадобиться помощь.

— А у вас праздник какой-то?

Она уставилась в ответ, явно не понимая моего вопроса.

— Ну, музыка, пирожками угощаете…

Наташка дёрнула головой и уткнулась в книгу, и я решил, что не ответит. Ошибся.

— Просто Анюта всегда очень много печёт. Вдвоём нам никак столько не съесть. А музыка… ну, помогает ей, что ли.

Я присел рядом с Наташкой на лавочку, не понимая, что делать дальше. Разговор явно не клеился, но мне обещали угощение — просто так уйти казалось невежливым. Но искупаться тоже хотелось, до ужина оставалось не так много времени.

— Интересная книжка?

Наташка прикрыла её, заложив пальцем нужную страницу. Поглядела на меня изучающе.

— Ты баб Нелин, что ли? Олег, кажется?

Я кивнул. Удивительно, она знала, кто я, а вот я понятия не имел, с кем говорю.

— Ты купаться шел? Вода — огонь.

Прозвучало не очень приветливо. Общаться Наташка явно не хотела.

— Ладно, — я пожал плечами, встал и зашагал к морю. Что я, правда, веду себя… как не знаю кто. Всё ради пирожков? Да обойдусь, моя бабушка тоже вкусно пекла. Правда, никогда у нас в доме не было такого дурманящего запаха, от которого рот слюной наполнялся.

— Позже заходи, — донеслось мне в спину…

Эх, Наташка…

Вдруг захотелось её увидеть — сейчашнюю, взрослую, такую родную. С короткой стрижкой — ну как короткой, чуть ниже плеч, а тогда её волосы почти до талии доставали. С неизменными крупными локонами — мне больше нравились прямые, но Наташка упрямо их завивала. Захотелось вдохнуть такой родной запах её духов — свежих, с легкой апельсиновой сладостью. Я даже зажмурился, потянулся к ней всеми мыслями, надеясь — вдруг снова сработает, вдруг

я опять окажусь рядом с ней в нашей спальне или где Наташка сейчас находится. И плевать, что я голый — никто же меня не увидит. Я старался. Очень. Но ничего не выходило.

Почему-то стало стыдно. За то, что не вернулся к ней в тот день, когда погиб. Кажется, мы что-то планировали, какую-то ерунду: заказать пиццу, посмотреть новый сериал, я должен был заехать в магазин за йогуртами и сыром на завтрак. И за все, что внезапно на неё свалилось: похороны, наследство, переоформления счетов и документов, вынужденное одиночество и необходимость дальше идти одной и самой решать то, что она всегда терпеть не могла решать. Как будто я её бросил. Как будто предал.

Купаться больше не хотелось. Зато внезапно захотелось курить, хотя я бросил черт знает сколько лет назад, да и курильщиком никогда не был, так, дурил по юности. Я просто сидел, смотрел, как алеет небо — я и забыл, какими красивыми бывают черноморские закаты… как солнце опускается в воду… как чайки качаются на волнах… как небо темнеет и появляются звёзды… Потом лёг на остывший песок, уставился в темноту. Холодно не было, так, свежо. Но одеваться было лень, простыть мне больше не грозило, и я просто лежал и пялился в небо. Зажигать фонари в посёлке было некому — и пусть, их свет всё равно не дотянулся бы до моря. Было очень тихо — цикады не стрекотали, слышался только шум прибоя. Ночь казалась кромешной, будто никого не осталось, только я и прибой. И ещё звёзды. Сколько же их было на небе — не счесть! Никогда раньше не видел их в таком количестве. К середине ночи ветер утих, и море тоже успокоилось, вода стала гладкой и глянцевой, а запахи водорослей и соли — как будто гуще.

Самым лучшим для меня было бы уснуть. Я просто не представлял, на что ещё тут тратить время, а сон всегда помогал привести мысли в порядок, перезагрузиться. Как будто каждый день — новый чистый лист. Но уснуть не получалось. Хотя я попытался, какое-то время лежал с закрытыми глазами, стараясь дышать глубоко и ровно. Дышать… Зачем призраку дышать? И зачем ему отдых? А ощущения и чувства — для чего? Чтобы дольше мучиться? В какой-то момент я сдался и стал смотреть на звёзды, гоняя по кругу одни и те же воспоминания и мысли: о детстве, о семье, о Наташке, о нашей жизни в Севастополе и потом в Петербурге...

Когда надоедало лежать — садился или бродил по пляжу вдоль прибоя. Заблудиться я не боялся — удивительно, но Наташкин дом был хорошо заметен, как те люминесцентные звёздочки, которые лепят на потолок. Как будто луна специально светила прямо на него. Поэтому я всегда мог найти к нему дорогу. А в голове бродили по кругу одни и те же мысли-воспоминания. И я бы хотел не думать, но тоже не получалось, как и уснуть.

Одиночество — вот, что я чувствовал. Давящее, мешающее дышать, словно чужая рука на горле. К рассвету это стало очевидным. Я смотрел, как небо меняет цвет, светлея, смотрел на гладь воды, а спиной ощущал такой настоящий и такой пустой поселок. И некуда было деться от этой пустоты, куда ни иди — везде так. Ни души, ни другого призрака. Только я один. Когда травиат сказал про одиночество, я не придал значения. Но хватило одной ночи, чтобы понять и ужаснуться. Как же я буду здесь... Хотелось сказать «жить», по привычке, но это слово ко мне больше не относилось. И сколько времени это продлится? Такое вообще можно вывезти? На поверку Покой оказался не покоем вовсе, а слепленным специально для меня филиалом ада. Кто бы это ни придумал, ничего лучше в качестве наказания он придумать и не смог бы.

Одиночество всегда меня пугало и тяготило, но здесь проблема была больше — я ненавидел оставаться один! У Наташки были книги, в которых она растворялась, когда оставалась одна, я же нуждался в живом общении так же, как нуждался в воде и пище. При жизни я мог хотя бы пойти на улицу, в парк, в торговый центр — туда, где были люди, просто побродить, разглядывая незнакомые лица, ловя обрывки разговоров, мог поболтать со случайным прохожим или с консультантом в магазине. Да просто поддержать какой-то срач в комментариях в интернете — уже общение, как бутерброд на бегу, удовольствия немного, но насыщает и отгоняет голод! Но здесь… в этой пустоте…

Нет, не так.

В ПУСТОТЕ.

Кричать хотелось.

Кто придумал назвать это Покоем? Наверное, оголтелый интроверт и мизантроп. Покой — последнее, что я сейчас чувствовал.

Был бы здесь хоть один человек! Кто угодно! Пусть не настоящий, пусть призрак. Даже не такой как я, а… кто-то вроде NPC в компьютерных играх[2]. Главное, чтобы можно было перебросить парой слов, понаблюдать, чем он занимается, просто побыть рядом.

— Это... Необычно...

От звука голоса я чуть не подпрыгнул. Сердце рвануло куда-то за горизонт, потом опомнилось, вернулось и ухнуло в песок. Я резко развернулся... и уставился на травиата, не понимая, что то происходит.

Он изменился. Современный костюм, в котором он был во время нашей встречи в библиотеке, исчез. На травиате была свободная рубаха, некогда белая, но застиранная и посеревшая; неприлично тесные брюки, причем двухцветные — правая штанина синяя, а левая — красная; поверх всего этого — что-то вроде туники, которая доходила почти до колен. Пояс и сапоги. Непритязательный и странный наряд. Здесь, на пляже Любимовки, он казался вовсе неуместным. «Пятьсот с лишним лет» — вспыхнуло в памяти. Это что же… Шестнадцатый век? Пятнадцатый? Голова отказывалась чётко соображать. Это его привычный облик?

— Как вы тут оказались? — выдавил я.

Минуту мы тупо глядели друг на друга. Травиат казался таким же удивлённым и явно не понимал, что произошло.

— Я хотел спросить о том же… — он отвёл взгляд, чтобы оглядеть окрестности.

А я так и сидел на песке, пялясь на него и открыв рот от неожиданности. Ещё и голый! Спохватился, завертелся в поисках одежды — та оказалась в нескольких метрах. Я суетился, спешно натягивая трусы и брюки. Травиат как будто не обращал на меня внимания, только глянул вскользь, но даже бровью не повел, мой вид его не не удивил и не смутил — никаких эмоций не вызвал. Казалось, ему интереснее мой Покой.

— Что это за место? — спросил он, когда я натягивал кроссовки. — Я имею в виду, это ведь реальное место?

Я смахнул с лица волосы, глянул на него снизу вверх, кивнул.

— Крым. Севастополь.

Понимания на его лице не прибавилось.

— Это в России.

— Россия! Один из моих потомков ездил туда, он был помощником какого-то архитектора. Так значит вы русский!

Во взгляде травиата промелькнуло что-то вроде симпатии — первая его эмоция в мой адрес.

Я поднялся с песка, отряхнул джинсы, потом ладони. Кивнул.

— Русский. А вы?

— Флорентиец.

Я заулыбался. Италию я по-настоящему любил. Частично из-за Наташки — её бабушка, Анюта, верила, их предки оттуда родом, у неё даже хранилась какая-то старинная резная шкатулка, вроде как времен Крымской войны — семейная реликвия. И все странности характера и излишнюю эмоциональность они объясняли сардинской кровью[3]. Но и до знакомства с Наташ-

[2] NPC — Non-Playable Character, неигровой персонаж, который не контролируется игроком, а нужен только для создания антуража или выполнения заданий.

[3] В Крымской войне принимала участие не привычная сейчас Италия, тогда её не существовало, а Сардинское Королевство. Причем, враждебности к России у них не было, сардинцы присоединились к войне, чтобы встроиться в европейскую

кой Италия незримо присутствовала в моей жизни. В детстве я зачитывался мифами о Трое и Энее и увлекался Римской империей. Отец обожал фильмы с Челентано и часто их пересматривал. Мама любила старую итальянскую музыку — Эль Бано, Тото Кутуньо, Пупо, Рафаэлла Кара. Сам я тоже слушал, но совсем других исполнителей — Тициано Ферро, Манескин, Эмму Марроне. С Наташкой мы много где побывали: Рим, Неаполь, Милан, Флоренция, Турин, Венеция — лишь верхушка айсберга. Поэтому согрело, что моим наставником здесь оказался именно итальянец, ещё и из пятнадцатого века — это же период Возрождения, если не путаю.

— Вы знаете, что эти места когда-то были частью Римской Империи? — вспомнил я невпопад. Наверное, хотелось найти что-то общее. Что-то, что нас связало бы, помогло растопить лед.

Травиат на мгновение приподнял брови, потом улыбнулся уголками губ:

— Половина мира когда-то была Римской Империей, — он поглядел на ленивый прибой. — Здесь красиво.

Я кивнул, соглашаясь. Всегда любил Крым. Возможно из-за него я тоже чувствовал близость с Италией — чем-то они были похожи, все эти горы, серпантины, кипарисы, море... Недаром в советские времена «Италию» снимали именно здесь. Ну, не прямо в Любимовке, но в Крыму.

— И все же… Как? Вы сказали, мы больше не увидимся, — я шагнул ближе. Как-то рефлекторно. Наверное, со стороны это выглядело по-детски, словно я хотел иметь возможность схватить травиата за рукав и удержать, если вздумает исчезнуть. Не хотелось снова остаться в одиночестве.

— Поверьте, я понимаю не больше вашего… — ненадолго он задумался, глядя на меня, взгляд его снова стал пытливо-изучающим, как тогда в библиотеке. — О чём вы думали перед тем как я тут оказался?

Я замялся. Не хотелось признаваться тому, кого едва знаю.

— Да толком ни о чём… Вспоминал прошлое, жену… Мне было одиноко…

— Одиноко, значит… — травиат кивнул.

— Есть версия?

— Если бы… — он снова огляделся. — Простите мне моё назойливое любопытство. Я впервые в чужом Покое. Что там? — он кивком указал на Наташкин дом. Надо же — выбрал его безошибочно из множества других, что стояли чуть дальше.

— Видимо, моё жилище здесь. Его калитка единственная открылась.

Травиат кивнул и усмехнулся так, словно ему откликнулась эта идея о единственной открытой двери, двинулся вперёд, но через пару шагов замер, обернулся:

— Можно взглянуть? — теперь он выглядел слегка виноватым. Качнул головой, развёл руки. — Снова вынужден просить прощения. Слишком долго я был один, отвык спрашивать дозволения. Да и вообще общаться вот так запросто.

Я просто кивнул и пригласительно взмахнул рукой, как радушный хозяин.

— Если честно, я и сам ещё не был внутри.

— Признаться, я тоже не сразу решился войти в свой новый дом. Две ночи провёл на улице.

С минуту мы глядели друг на друга. Мне было трудно сдерживать улыбку. Я и правда чувствовал себя немного ребёнком, к которому пришёл очень долгожданный и одновременно невозможный гость. Скажем, Тони Старк. Губы сами собой растягивались в улыбке. Хотелось суетиться, хотелось, чтобы травиату понравилось здесь, ведь тогда он захочет вернуться.

Знать бы, что ждёт меня в доме.

политику и заполучить поддержку в освобождении от оккупации северных регионов Италии.

Часть 4. «Пьяный честнее трезвого»

Хронотоп — «Нахлобучило»
Ólafur Arnalds — «Near Light»

Не знаю, сколько бы я маялся на пляже и бродил вдоль ограды Наташкиного дома, не появись травиат. Он не колебался и не боялся. Толкнул калитку, ненадолго задержался в саду — из простого любопытства, разглядывая мощёную дорожку под ногами, треугольники кирпичей, заменявшие бордюр, самодельные клумбы, на которых щедро цвели мята и шалфей, потом открыл входную дверь в дом, осторожно заглянул внутрь прежде чем войти, кажется, даже принюхался. Я шёл следом, словно покорный барашек за пастухом. Следовал за взглядом травиата и словно видел всё впервые: расхлябанную дверную ручку, скрипучую половицу сразу за входом, плетёный цветастый коврик, старую, ещё советскую модульную мебель, ярко-красный газовый баллон в углу, покрытый ковром раскладной диван у окна… Дом был небольшой: крохотный предбанник, за ним — совмещённая с гостиной кухня и две спальни. Машинально я прошёл в Наташкину, оставив травиата осваиваться и разглядывать вещи. Анюта — Наташкина бабушка — любила собирать всякую ерунду. Она родилась в Севастополе, но в молодости вместе с мужем-военным поездила по миру, успела пожить не только в союзных республиках, но и в Восточной Европе, и полки были заставлены разномастными матрёшками и резными нэцкэ, керамическими фигурками «под хохлому» и слониками из «натуральных камней», тарелками с ручной росписью в восточном стиле и копеечными статуэтками-достопримечательностями из гипса и пластика, нашлось место даже китайской вазе из эмали и паре тяжеленных барочных подсвечников… Была ещё и отдельная полка с самыми разнообразными чашками и кружками — Анюта особенно ценила необычные, и мы непременно привозили ей из поездок что-нибудь с местным колоритом. А уж фотографий было не счесть! Они стояли на полках, висели на стенах: от совсем старых, размытых и пожелтевших, с дамами в длинных платьях и элегантных шляпках и статными кавалерами в царских мундирах, до современных цветных, с маленькой забавной Наташкой и её родителями. Травиату было чем заняться, было что поразглядывать. Я же замер на пороге Наташкиной спальни.

Тихо тикали ходики. Едва ощутимо пахло розами — на компьютерном столе, возле монитора, стоял засохший букетик. Рядом с ним — та самая резная шкатулка-реликвия. Подушка и покрывало на кровати примяты. Рядом на табуретке, которую использовали вместо прикроватного столика, недочитанная книга и недопитая чашка чая. Окно было приоткрыто, и ветер раздувал кружевную занавеску. Комната выглядела живой, словно Наташка была здесь минуту назад, читала, а потом выскочила в сад нарвать черешни, и в любой момент вернётся. Я даже внутренне напрягся, готовясь услышать звук открывающейся двери и Наташкины шаги.

За спиной что-то звякнуло, заставив меня вздрогнуть и обернуться — травиат вертел в руках статуэтку Пизанской башни, разглядывая.

— Простите, — улыбнулся он, заметив мой взгляд, и вернул статуэтку на место. — Здесь… занимательно. Чем-то напоминает дом, где я вырос.

Серьёзно? Я медленно обвёл взглядом простой белый кухонный гарнитур, без изысков и финтифлюшек… такой же стол под клетчатой клеёнкой и табуретки… самый заурядный диван… кухонный фартук из мелкого квадратного кафеля и светлые обои в цветочек на стенах — бумажные, выгоревшие на солнце… ситцевые занавески на окнах… Анюта любила всё это, отказывалась что-либо менять, хотя бы поклеить современные обои. Но чтобы травиат… А ему и правда нравилось — во взгляде сквозило тепло, с губ не сходила едва заметная улыбка — она угадывалась по морщинкам вокруг глаз и губ.

— Я думал, в пятнадцатом веке всё было как-то иначе…

Он усмехнулся, пригладил волосы:

— Вы правы, да, конечно. И все же… Мы жили в Муджелло…. Земля Медичи, так её называли… У нас был крошечный дом, даже меньше этого. Просторная кухня. Грубая мебель — отец сам её сколотил. Глиняная посуда на полках… И большая печь… Вы правы, да, сравнивать глупо… — повторил он, наверное, заметил моё растущее удивление. — В моём детстве всё было иначе. И всё же, я вдруг почувствовал себя… дома…

Он мотнул головой, словно отгоняя эту странную мысль, и подошёл к фотографиям на стенах. А я вернулся в Наташкину комнату, встал возле кровати. Не знаю, что я надеялся увидеть… Смятая подушка, засохшие цветы, недопитый чай… Я взял книгу — «Американская трагедия» Драйзера. Ну конечно… Я отшвырнул её на кровать. Уставился на букет — теперь понятно, что это за цветы. Не думал, что Наташка хранила их так долго. Не думал, что она вообще их хранила. И почему мой Покой стал именно тем летом? Явно не потому, что моя ошибка случилась именно тогда — я был ребенком, Наташка — и того младше, и мы ничего не сделали! Наше общение и дружбой сложно было назвать. Даже слово «общение» — слишком масштабно. Так почему же? На что мне намекали?

Я вернулся в кухню. Наверное, слишком стремительно, потому что травиат обернулся, вопросительно уставился на меня.

— Выпить хотите? — вместо объяснений спросил я.

— Есть тосканское?

Я понял, что он о вине. О чём ещё мог подумать итальянец, услышав предложение выпить.

— Сомневаюсь.

Бара или чего-то подобного не было, алкоголь Анюта хранила на кухне. Да и запасами это назвать трудно — она почти не пила, даже по праздникам едва могла осилить одну-единственную рюмку. Но алкоголь в доме всегда держала, для готовки, а точнее — для теста и крема. И точно. Две початые бутылки затерялись среди растительного масла, соусов и уксуса. Одна — с водкой, вторая — с хорошим французским коньяком.

— Есть только это, — я выудил обе бутылки и показал травиату. — Хотя…

Как же я мог забыть. Поставил бутылки на стол и потянулся к другому шкафчику, где хранилось всё для кофе и чая — и не ошибся, там оказалась бутылка Амаретто, почти пустая. Если Анюта вдруг хотела выпить, она выбирала кофе с ликёром. Вручную молола зёрна, варила их в большой турке, давала настояться, а потом осторожно переливала в кружку, но не в обычную, а обязательно из коллекции, и добавляла чуть Амаретто.

— А это… — травиат хмурился, разглядывая этикетку.

— Миндальный ликёр, — вопрос меня удивил. Неужели амаретто ещё не было при его жизни? Трудно представить что-то более итальянское. Кроме вина, конечно.

— Амаро… — он кивнул. — Хорошо, я хотя бы примерно знаю вкус.

— Знаете вкус?

— Предположу, что этот напиток совсем иной, нежели те, что мне доводилось пробовать, но всё же…

Я качнул головой, давая понять, что не понимаю. По правде, какое-то понимание начало закрадываться, но оно мне совсем не нравилось. Хотелось услышать правду от травиата.

— Всё здесь — наши воспоминания. Запахи, вкусы, ощущения. Покой подстраивается под нас, но создать то, чего мы не познали или не видели при жизни, не сможет. Зато воплотит любую фантазию, даже самую нереальную. Конечно, если это для чего-то необходимо.

Я кивнул. Отвечать не хотелось, просто дал знать, что понял. Чем дальше — тем меньше мне нравилось это место. Интересно, можно ли отсюда сбежать? Травиат застрял тут на пятьсот лет, во всей этой пустоте — гнусная перспективка, не хотелось так же. И всё же как-то ему

удалось попасть ко мне в гости. Смогу ли я наведаться в его Покой? Он что-то говорил о доме — стало быть, это в Италии?

Бокалов не было, только стаканы, поэтому я взял Анютины коллекционные кружки — если уж нарушать правила, то доводить все до полного абсурда, да и был в этом определенный символизм. Для травиата выбрал ту, что мы привезли из Рима, и он с любопытством повертел её в руках, разглядывая рисунок Колизея и Форума.

— Рим меня не принял, — усмехнулся он.

— Доводилось бывать? — я невольно начинал перенимать его манеру общаться, чуть старомодную, слегка манерную, но отчего-то уютную. Словно мама или бабушка замотала тебя, уже взрослого, в свой шарф, откровенно женский, неподходящий под твой хмурый образ, но мягкий и очень теплый.

Травиат кивнул, но дальше рассказывать не стал. Может и к лучшему — я любил Рим больше других итальянских городов. Вряд ли меня порадуют ужасы позднего средневековья. Или уже Возрождения? Историк из меня такой себе.

Я отошёл к холодильнику — чего-чего, а еды у Анюты всегда было вдоволь, кухню она любила и готовила сразу помногу. Больше всего мне хотелось её фирменных пирогов с ягодами или Наполеон, но увы, сладкого вообще не было. Зато нашлись борщ и винегрет. Борщ у Анюты тоже был восхитительный, такой густой, что больше походил на второе, чем на суп: с мелкой белой фасолью и нарезанной кубиками говядиной. А в винегрет она добавляла домашнюю квашеную капусту. Я покосился на травиата — нет, вряд ли он когда-то пробовал что-то подобное, значит не оценит традиционную русскую кухню. Ладно, проявим гостеприимство — друзьями в моей ситуации разбрасываться не стоило.

Травиат молча наблюдал, как я режу лимон, делаю бутерброды с сыром и колбасой, разливаю напитки: ему — остатки Амаретто, себе — водку. Он взял кружку сразу же, обеими руками, принюхался и на миг довольно зажмурился — надо думать, аромат ему понравился. Хотя, если верить тому, что он сказал, унюхал он что-то своё, пятьсотлетней давности.

Я замялся. Ситуация требовала тост, но что тут скажешь? За что пить? Не за здоровье же… За знакомство? За искупление грехов? За Покой?

Травиат истолковал мою задумчивость по-своему:

— Смелее, приятель. Вкус вы почувствуете, разумеется, — он подался вперёд, легко стукнул мою кружку своей. — А вот опьянеть не сможете, — с усмешкой добавил он. — Всё здесь — лишь фикция. Воспоминание о жизни — не больше.

— Тогда какой в этом смысл? — я так и замер с кружкой возле рта.

— Все настолько плохо?

Я хмыкнул.

— Знаете, что хорошо гасит боль душевную?

Травиат вопросительно приподнял брови.

— Боль физическая.

— Осмелюсь предположить, что говорите вы это со знанием дела.

Я помотал головой.

— Не особо. Но бытует мнение, что это помогает.

По крайней мере в фильмах и книгах — так точно. Что сделает герой, которого бросила любимая? Напьется и подерётся. Водка — вот она, дело за малым. Я глянул на травиата и усмехнулся — придёт же в голову такая глупость. Я и в юности дрался от силы пару раз. От конфликтов не бегал, но и сам не нарывался.

Травиат понял меня по-своему:

— Это приглашение на кулачный бой?

— Давайте просто выпьем. Вдруг нам повезет, и мы опьянеем.

Впрочем, может оно и к лучшему? Пьют ведь не только ради отключки и обнимашек с унитазом. Иногда важен сам процесс.

И отсалютовал ему кружкой и выпил. Залпом. Водка оказалась чуть тёплой, противной. Я, конечно, ненадолго сунул бутылку в морозилку, даже обернул мокрым полотенцем, как советуют умники из интернета — помогло мало. Но сейчас это оказалось как нельзя кстати, даже напомнило о том самом первом разе, когда я попробовал водку, в скрытом от чужих глаз закутке за школьным стадионом, где мы часто зависали с пацанами. Закуски не было, как и посуды, мы глотали водку прямо из бутылки, кашляли, морщились, но чувствовали себя очень взрослыми. Настоящими мужиками. Помню, тогда я подумал, что никогда больше не буду пить.

Травиат глотнул амаретто, поставил кружку на стол.

— А что будет, если вы выпьете это? —я подвинул к нему тарелку с сыром и взглядом я указал на коньяк.

Травиат скривил губы и пожал плечами:

— Ничего. Пробовали жевать бумагу? Никакого вкуса. Пустота.

Мда. Все унылее и унылее. Только теперь я стал понимать, как сильно любил жизнь. Не только все эти мелкие удовольствия: бокал монтепульчано за ужином, домашние пирожки с вишней, запах чистого постельного белья, разговоры ни о чем, стекающие по стеклу дождевые капли, шелест и мерцание рекламного билборда, раздражающие гудки машин в пробке, банальный хруст французской булки, наконец. Больше чем это всё я любил возможность попробовать что-то новое: взять в магазине незнакомую бутылку вина, заказать в ресторане что-то экзотическое, встретить новых людей, посмотреть новый фильм, поехать туда, где никогда раньше не был! Как жить без всего этого? Всё, что мне доступно здесь — снова и снова повторять то, что уже пережито. Я никогда не жил прошлым и не хотел начинать! Если единственная возможность покончить со всем этим, покинуть этот чёртов Покой — вернуть долги и исправить ошибки — что ж, я достаточно замотивирован. Я готов! Просто скажите, что делать? Я сделаю, без вопросов! Даже если дальше — полное забвение и ничто.

Но что, чёрт возьми, я должен сделать?

Единственное, что я уже понял — я застрял тут из-за Наташки. И, наверное, это было справедливым. Но я уже не мог ничего исправить — прошлое ведь не перепишешь!

— Чей это дом? — травиат снова разглядывал комнату. — Простите, если я слишком бестактен.

— Моей жены. Точнее Анюты, её бабушки. Таким этот дом был, когда я с ними познакомился. В общем-то, с годами он мало изменился.

Сколько же Анюте тогда было? Около шестидесяти, не меньше. Понятия не имею, почему пожилую женщину все звали ласковым детским именем, но весь поселок обращался к ней только так, даже Наташка, и Анюта не возражала. Да другое обращение ей просто не пошло бы. Маленькая, стройная, с короткими волосами, выкрашенными в огненно-рыжий, и сама — живая и юркая, точно белка. И одевалась совсем не как сверстницы, никаких цветастых балахонистых платьев или халатов — джинсы и футболки, модные спортивные костюмы Juicy Couture, кроссовки, массивные солнечные очки. Со спины её легко можно было принять за девушку. Анюта.

Время от времени на неё находило, и она готовила, как на роту солдат: первое, второе, третье и гору десертов. Потом шла на пляж и угощала всех подряд, и своих, и чужих, просто так, бесплатно: вкуснейшими пирогами, плюшками и пирожными. А когда умерла, то на поминки даже готовить не пришлось — все соседи пришли с домашней едой: кто с запеканкой, кто с пирогом, кто с блинами, несли супы, пюре, котлеты. Как благодарность за все годы бесплатных угощений.

— Расскажите, если хотите…

Знать бы о чем… Или с чего начать…

В тот день за пирогами я так и не вернулся — хотел было, но в последний момент передумал. Вспомнил безразличную Наташку и постеснялся, что ли. Не было в её голосе приветливости и желания порадовать — привычная рутина, не более того. Бабушка снова наготовила сверх меры, а ей раздавать и пристраивать излишки. Мне не хотелось навязываться и клянчить.

Наташка пришла сама, когда уже стемнело. Поскреблась в окно моей комнаты — я как раз перещёлкивал каналы на телевизоре, без какой-то цели, просто чтобы скоротать время перед футболом. Сперва даже не разобрался, что происходит, откуда звук, а потом увидел прильнувшее к стеклу лицо. Наташка сунула мне в руки газетный сверток, едва я распахнул окно, бросила короткое «тут с вишней и с абрикосами» и скрылась в темноте — точно видение. Я даже «спасибо» не успел сказать. Какое-то время постоял у окна, разинув рот и сжимая в руках чуть тёплый свёрток. Потом опомнился, вернулся в комнату, развернул газету — комната сразу наполнилась ароматом сдобы и ягод. Пирожки были красивые: румяные, пышные, затейливо слепленные. Вытянутые, с косичкой-гребешком — вишнёвые. Полукруглые, похожие на огромные вареники, с аккуратной оборочкой по краю — с абрикосом. Я съел по штуке, а потом начался футбол и стало не до пирожков — матч выдался очень напряжённым, мои (болел я, конечно, за Скуадру Адзурру[4]) выиграли лишь на последних минутах второго дополнительного периода, забив два гола. Только утром я отправился искать Наташку — хотелось поблагодарить… А потом думал, что не стоило этого делать…

Травиат молча слушал мой поток сознания, вертел в руках кружку с остатками амаретто.

Я посмотрел на Наташкину спальню. Дверь оставалась открытой, и я видел край компьютерного стола и засохший букетик роз. И вдруг начал что-то понимать.

Этот дом. И Анюта.

Благодаря им я познакомился с Наташкой.

Из-за них же потом, много лет спустя, наши отношения треснули и чуть не надломились.

Я взглянул на травиата.

— Кто был вашим наставником?

— Джеффри Монмутский[5].

Понятия не имел кто это. Но уточнять не стал — не так уж важно это было. Интереснее другое — если мой новый знакомый провёл здесь пятьсот лет, то где предел? Что если я не смогу исправить то, что сделал при жизни? Застряну здесь навсегда, как и травиат?

— А ваш Покой? Какой он? — я улыбнулся ему и вернул его же фразу. — Простите, если я слишком бестактен.

Он вяло усмехнулся, но отвечать не спешил. Уткнулся взглядом в кружку, словно хотел что-то там отыскать. Подсказку или истину. А может просто тянул время? Он ведь привык никуда не спешить.

— Вы сказали, чей-то дом? — я напомнил о себе. — Чужой? В Италии?

— Во Флоренции.

— Почему вы здесь?

Вопрос был на грани, и я бы не удивился, если бы травиат разозлился или насупился, но выражение его лица почти не изменилось. Он так же глядел на меня со смесью симпатии и сожаления, почти как тогда в библиотеке. Разве что добавилась чуточка удивления.

— А вы?

---

[4] Голубая команда (ит.). Так называют сборную Италии по футболу из-за цвета формы.

[5] Священник из Монмута (Уэллс), жил в начале 12 века. Создатель канона о короле Артуре. Автор «Истории королей Британии» (по сути — летопись Британии), которая подавалась как реальный исторический труд, но оказалась одной из крупнейших в истории литературных мистификаций.

— Пока не разобрался. Помогите мне, раз уж вы мой наставник. — Я убрал в сторону кружки и тарелки, освобождая пространство между нами. Подался вперед. — Что нужно сделать, чтобы застрять здесь на пятьсот с лишним лет?

Травиат ответил не сразу. Поглядел на меня, обвёл взглядом комнату. Потом отставил в сторону кружку.

— История долгая. Длинною в жизнь. Но вы угадали, мой друг, мне давно хочется кому-нибудь её рассказать.

Я улыбнулся и кивнул:

— Мне кажется, сейчас самое время для таких историй.

Часть 5. «E fiorirà il sogno a noi negato

[6]

»

Josh Groban — «Un Giorno per Noi»
Roxana — «Breath of Wind»

Май 1473 года

Густой перезвон Санта-Марии-дель-Фьоре плыл над Флоренцией, отражался от черепичных крыш, каменных стен и брусчатки, заполнял город так, что казалось, это звучат не колокола Колокольни Джотто, а сам солнечный свет и утренний воздух.

Дамиано заворочался во сне, но не проснулся, только поглубже зарылся лицом в подушку. Когда в дверь тихо поскреблись — не ответил.

Лучия юркнула в комнату, а вместе с ней — и запах свежеиспеченного хлеба.

— Дамиано! Дамиано, вставай!

Тот промычал в ответ что-то невразумительное и спрятал голову под подушку.

Лучия покачала головой, огляделась. Положила на маленький, заваленный нотами и обрывками бумаги столик завернутую в платок краюху хлеба, ещё теплую, отворила единственное крошечное окошко — перезвон колоколов тут же заполнил комнату.

— Луче… Ну за что… — Дамиано выглянул из-под подушки, бросил на Лучию сонный взгляд, и снова упал лицом вниз. — Я всю ночь мешки с мукой таскал…

— По остериям ты всю ночь шатался, Прясвятая Дева, сохрани и смилуйся, — Лючия перекрестилась. — Помяни моё слово, маэстро Жакомо тебя погубит!

— Маэстро Жакомо поможет мне прославиться. Помяни моё слово, он познакомит меня с Медичи.

— Маэстро Жакомо самому бы с ними познакомиться… Сколько вы с ним шатаетесь по остериям — проку нет. И что вы там пытаетесь найти? Неужели самих Медичи? Не думаю, что они настолько любят дешевое вино. И сколько заведений вы осчастливили этой ночью? Владельцы винных окошек[7] должны быть вам благодарны.

— Я вина не пью…

— В отличии от маэстро Жакомо…

— И это всё для дела…

— Конечно…

— Лучия, ворчишь, как заправская жена!

Она вытянулась в струнку, уставилась на Дамиано, уперев руки в боки. Если бы в этот миг он смотрел на неё, то углядел бы тень мечтательной улыбки, но Дамиано так и лежал, уткнувшись лицом в подушку.

Перезвон за окном усилился. К колоколам Санта-Марии-дель-Фьоре присоединилась звонница соседней Санта Кроче.

— Вставай, говорю! — Лучия затрясла Дамиано за плечо. — Отец ждать не будет! А мадонна Ардингелли[8] — и подавно!

---

[6] «И расцветёт мечта, в которой нам отказали» (ит.)

[7] Небольшие проёмы в стенах дворцов в историческом центре Флоренции, через которые продавали вина, как правило бутылками. Некоторые действуют по сей день, как туристический аттракцион.

[8] Речь о Лукреции Донати (Ардингелли — её фамилия по мужу). Она была Прекрасной дамой Лоренцо Великолепного, он посвятил ей множество стихов, и всю жизнь они оставались добрыми друзьями. Романтическая связь между ними официально не подтверждена, но кто знает…

Это сработало. Дамиано подорвался, сел, ошалело уставился на Лучию. Лукреция Ардингелли! Это же сегодня! Как он мог забыть! Ждал целую неделю — и чуть не проспал! Чёрт подери Жакомо! Схватил протянутую Лучией рубаху, натянул, путаясь в рукавах. Согнулся в поисках башмаков.

— Перекуси! — Лучия протянула ему хлебную краюху. — Испекли для Пацци. Я специально для тебя стянула…

— Нет времени! — отмахнулся Дамиано, натягивая льняную тунику. Схватил виелу[9].

Лучия всё же изловчилась и всучила ему хлеб, но Дамиано сунул его за пазуху и помчался по коридору, потом вниз по лестнице. Чуть не столкнулся выходящим из кухни хозяином пекарни — отцом Лучии.

Дамиано на ходу отвесил поклон и выкрикнул чуть громче, чем было нужно:

— Мессер Фарни, прекрасное утро!

Стоило предупредить Лучию, чтобы не спускалась следом за ним — хозяин не одобрял их невинной дружбы, Лучия была его единственной дочерью, так зачем лишний раз его злить.

Тот лишь покачал головой и погрозил пальцем. А Дамиано, сунув под мышку виелу, молитвенно сложил ладони, заранее прося за всё прощения, и толкнул спиной дверь.

Город уже проснулся, и на неширокой улице становилось тесновато. Торговцы катили брички, спеша на воскресный рынок, мальчишки-посыльные носились с письмами и мелкими поручениями. И Дамиано тоже помчался, лавируя между горожанами, изредка перебрасываясь приветствиями или колкостями. Из открытых дверей Церкви Сан-Проколо уже доносилось пение, и Дамиано прибавил ходу. За мрачным Палаццо-дель-Подеста свернул на ещё более тесную улочку, потом на другую, уже совсем узкую, двоим не разойтись. Утро, казалось, здесь только наступало, до того мало света добиралось до брусчатки мостовой, но звон колоколов оставался таким же густым и сочным. Мелькнула крохотная площадь, поворот, другой — и Дамиано остановился у дверей незаметной Санта-Маргерита-де-Черки, фамильной церкви семейства Донати. Выдохнул — кажется, успел, служба ещё не началась, прихожане только собирались. Места перед церковью не было, обычная флорентийская улица, не самая просторная, и Дамиано встал в стороне, почти вплотную к стене, чтобы никто не толкнул ненароком, подбородком прижал виелу к плечу, скупо взмахнул смычком и заиграл, мелодичное и воздушное, удивительным образом переплетающееся с колокольным перезвоном, словно тот был специально задуманным аккомпанементом. Люди замедляли ход, задерживались у дверей церкви, улыбались, кто-то даже бросал под ноги Дамиано мелкие монеты. Он не обращал внимания, глядел в проход, откуда должна была появиться Лукреция Ардингелли — это для неё он играл, рискуя потом получить нагоняй от хозяина. Её внимание могло изменить всё. Дамиано не верил слухам, но дружба Лукреции Ардингелли и Лоренцо Медичи ни для кого не была секретом. В остериях о них болтали всякое, порой скарбезное, но после нескольких чарок кьянти у многих язык с головой не дружит — вот Дамиано и не верил сплетням. Зато верил, что если его заметят, если он попадет в дом Ардингелли — там и до покровительства самих Медичи недалеко.

Дамиано ждал Лукрецию, но музыка захватила его так, что он чуть не прозевал её появление. Сперва показался мальчишка-слуга, который прокладывал путь. Потом она сама в окружении матрон и подруг. Позади — ещё несколько служанок. Горожане расступались и почтительно кланялись. У дверей Санта-Маргерита-де-Черки процессия остановилась, и Дамиано заиграл ещё старательнее, словно обращался напрямую к Лукреции. Солнце заливало улицу, и он едва видел её лицо под тонкой вуалью, но почему-то верил, что она улыбается. Не ему — его мелодии. И от этого становилось радостно, и музыка ускорялась, звучала выше, наполнялась

[9] Смычковый инструмент с гитарообразным корпусом и пятью струнами, на котором играли менестрели и бродячие музыканты. Предтеча скрипки.

смелым задором. Дамиано ещё не знал любви, но в этот момент для него не существовало другой женщины, кроме Лукреции Ардингелли. И не было во всей Флоренции никого чудеснее. На этот миг она стала его Прекрасной дамой, и только для неё звучала его музыка.

Дамиано чудом не сбился, когда Лукреция ступила ближе и ему под ноги упал золотой флорин. Смолкли колокола, улица опустела, двери церкви закрылись, а он всё играл, боясь остановиться, упустить мелодию, будто с ней потерялось бы что-то важное. Хотя что может быть важнее музыки?

Обратно домой он мчался быстрее ветра, едва замечая, что происходит вокруг. Заработанные монеты приятно позвякивали в кошеле, но радовало не это — Лукреция отметила его! Она улыбнулась ему — он точно видел! Он не зря старался!

— Так значит гуляем! — воскликнул вечером Жакомо, разглядывая золотой.

Солнца уже не было видно над черепичными крышами, небо начинало алеть, стены Флоренции становились насыщенно-терракотовыми. После целого дня в пекарне Дамиано чувствовал себя разбитым, поэтому лишь улыбнулся, забрал у приятеля монету, сжал её в кулаке. Сейчас хотелось тишины. Выпить бодрящей колодезной воды. Записать мелодию, так удачно родившуюся утром — весь день она не выходила из головы.

— Я сохраню его, как талисман, — только и сказал он, пряча золотой флорин. Вдруг он и правда принесет удачу?

— Пресвятая Дева! Сохранить первый настоящий заработок? Да его нужно потратить! Весь, без остатка!

— Тогда я найду ему лучшее применение, чем спустить на мясо и вино.

— Да что может быть лучше?

— Новые струны. И бумага… Чернила заканчиваются…

Новые башмаки тоже не помешали бы, те, в которых он ходил, уже прохудились. Но можно и потерпеть. Дамиано мечтал о настоящих нотах, какие он видел на хорах в церкви, чтобы можно было учиться по-настоящему, узнать, как строят музыку лучшие мастера, а не подбирать популярные мелодии на слух, на ходу переделывая по-своему. Но такие ноты стоят дорого, одного флорина мало, даже золотого!

— Струны, бумага… Ладно, приятель, тогда сегодня плачу́ я, — Жакомо загадочно улыбнулся, вытащил из поясной сумки другой золотой флорин и подбросил в воздух. Тот красиво блеснул на заходящем солнце.

— Жакомо!

— Это задаток! Есть что отпраздновать — я получил заказ! Увел из-под носа у Филиппе. Буду писать портрет жены ди Салви.

— Ди Салви? Кожевенника?

Жакомо подмигнул и обнял Дамиано за плечи, увлекая дальше по улице:

— Им тоже не чуждо искусство. Хочет портрет в новой манере. Как у Сандро. Срок короток, но я смогу, ты же знаешь, я быстро пишу!

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Дамиано.

— Нам нужны такие заказы! Вот путь к богатству и славе! У ремесленников амбиций не меньше, чем у знати, и они не так требовательны. А главное — у них есть деньги, дружище! Кожевенники, пекари, башмачники — вот кто нам нужен.

Дамиано кивнул, соглашаясь. Порой казалось, Медичи весь город заразили любовью к искусству, к живописи, к архитектуре, к музыке… Даже не Лоренцо — ещё его дед Козимо. Вот и хозяин, мессер Фарни, прощал Дамиано все отлучки и опоздания лишь потому, что тот бесплатно играл на его скромных приемах и праздниках, и делал это от души.

— Уж я-то сделаю всё как надо. А дальше… Земля слухами полнится, — Жакомо остановился у винного окошка, коротко стукнул в крошечную дверцу. — Уверен, ди Салви поставит

портрет дочери на видное место, похвастает Липпи, тот расскажет Бенини… так и до Медичи дойдет!

Окошко отворилось, и Жакомо вопросительно глянул на Дамиано, но тот помотал головой — вина не хотелось. Нужно было сохранить голову ясной, чтобы не забыть утреннюю мелодию. Весь день он напевал её, рисовал ноты на мучной пыли, а вот перенести на бумагу так и не успел.

— А уж получить покровительство Медичи… — Жакомо отсалютовал бутылкой вина. — Приятель, ты сам всё понимаешь…

Дамиано устало улыбнулся — он понимал. Покровительство знатного дома — мечта любого, кто связан с искусством. Конечно, у художника, как Жакомо, или скульптора куда больше шансов попасть под крыло пусть не самого Лоренцо, но кого-то из знати. Но Дамиано верил, что и его музыка найдет покровителя. Тем более они договорились с Жакомо помогать друг другу: тот, кому первому повезёт, замолвит словечко за другого.

Вдруг вспомнилось, как они познакомились — уже больше года назад. Был конец марта, канун Благовещения и одновременно Нового года[10], и Дамиано играл на ступенях Санта-Марии-дель-Фьоре. Утро выдалось солнечным, в воздухе пахло первоцветами. Дамиано чувствовал тепло, которое исходило от каменных стен собора и ступеней под ногами, оно окутывало, и мелодия, которую выводил Дамиано, тоже становилась теплее и бархатистее, наполнялась солнцем и пением ласточек, запахом весенней земли и молодой травы. Как всегда увлёкшись, он не замечал ничего вокруг — были только он, его виела и музыка. В те дни Дамиано ещё не пытался запоминать и записывать — просто играл то, что чувствовал, переплетая чужие мелодии с собственными импровизациями. Как будто не он искал музыку, а музыка сама находила его. Когда получалось плохо, Дамиано хмурился и менял тональность или всю мелодию. Когда выходило хорошо — улыбался, закрывал глаза и полностью отдавался музыке, позволяя той управлять его рукой и смычком. Сегодня всё получалось. Но его хлопнули по плечу, смычок неуклюже проехался по струнам виелы, разрушая волшебство, мелодия оборвалась. Дамиано уставился на незнакомого парня. В первый миг он подумал, перед ним кто-то из благородных: двуцветные шоссы[11], из-под яркого бархатного фарсетто[12] выглядывала тонкая сорочка, остроносые туфли, крепкий кожаный ремень и поясная сумка, затейливый берет. В первый момент Дамиано смутился своей простой поношенной одежды, старых башмаков и растрепавшихся волос, но присмотревшись к незнакомцу, заметил следы краски на пальцах и под ногтями, потёртости и аккуратно сделанные заплаты на фарсетто, сорочка была не первой свежести, да и всю одёжу не мешало подогнать по размеру. Перед ним был обычный парень, может, чуть более удачливый, чем он.

— Отлично играешь, приятель!

Неожиданный напор смутил, и всё же Дамиано благодарно улыбнулся:

— Спасибо, — он присел, чтобы собрать монеты, что набросали прихожане, особенно щедрые в канун праздников — кто-то не поскупился даже на серебряный флорин.

— Хочешь подзаработать? — Жакомо подтолкнул к нему лежащую в стороне монету.

— Смотря как.

— Мне нужен натурщик. Музыкант. Ты подойдешь идеально! Я пишу картину. Портрет музыканта. Представь: весенний лес, нимфы, и ты в римской тоге играешь на этой своей виеле…

---

[10] Во Флоренции в то время Новый год праздновали не 1 января, а 25 марта. Это изменилось только в 1750 году.

[11] Чулки-штаны, плотно облегающие ноги. В то время было модным делать штанины разных цветов.

[12] Короткая верхняя одежда наподобие дублета. Рукава к ней не пришивались, а привязывались специальным образом.

Дамиано глянул на него снизу вверх. Звучало красиво. И перспективно — кто знает, в чьей мастерской подрабатывает этот странный парень, вдруг вместе с Боттичелли. А то и у самого Верроккьо или Гирландайо[13].

— Но есть условие! Деньги только после того, как найду покупателя…

Картину так и не написали, хоть набросков было сделано немало — никто не пожелал купить неизвестного виелиста в окружении нимф. Зато подружились. Жакомо знал много начинающих художников и скульпторов, и Дамиано нравилось сидеть с ними в остериях, слушая разговоры о красках, мазках или о мраморе и глине. Нравилось бывать в их крошечных мастерских, где пахло самыми разными маслами и деревом. Нравилось разглядывать сделанные угольным мелком наброски и наблюдать, как из ничего, мазок за мазком, появляется картина. Это походило на чудо, вдохновляло и рождало в голове музыку. Поэтому он частенько брал с собой виелу и играл, пока художники писали. С самого детства Дамиано мечтал попасть в этот круг — и вот, сбылось. Он не ждал чего-то особенного, не думал, что это вмиг его прославит или как-то возвысит, но возможность стать частью этого творческого процесса, делиться своей музыкой — уже казались немалым успехом.

Вот и сегодня он послушно шёл за Жакомо, слушал его разглагольствования и полные надежд мечты, потом, уже в остерии, — как он с приятелями-художниками обсуждал работу одного из учеников Верроккьо, а после наблюдал, как Жакомо льстился к подручному самого Гирландайо, который случайно забрел в их дешевую остерию, и тоже надеялся, что тот представит их мастеру… В общем-то, это был самый обычный вечер, всё это повторялось уже много раз, ничего нового, но Дамиано чувствовал себя по-особенному счастливым. Он то и дело лез в тощий кошель, чтобы нащупать золотой флорин, и это наполняло его надеждой, что вскоре всё изменится. Непременно к лучшему.

[13] Выдающиеся художники эпохи Возрождения. Верроккьо был учителем Леонардо да Винчи и Сандро Боттичелли, а Гирландайо — Микеланджело.

Часть 6. «Падаю с неба сгоревшей кометой»

Ночные снайперы — «Секунду назад»
Андре Ганьон «Prélude inachevé»

Травиат замолк как-то внезапно.

За время его рассказа мы успели и посидеть за столом, и побродить по дому, и выйти в сад, и вот теперь я стоял у ограды, слушал его и смотрел, как небо готовится к закату, поэтому не сразу понял, что травиат не просто замолчал — исчез. Сперва я думал, ему просто нужна передышка и ждал продолжения — история меня увлекла, но пауза затягивалась, я обернулся, чтобы спросить… И только тогда увидел, что снова остался один.

Любимовка вмиг стала ещё более пустой и мёртвой, чем была до появления травиата. Дом снова стал выглядеть тревожно, и я мялся на пороге, не решаясь вернуться внутрь. Бродил по саду, изредка бросая взгляд в окно Наташкиной спальни, сорвал и съел яблоко — оно оказалось до оскомины кислым и, кажется, червивым. Когда солнце село, я вернулся на пляж — не хотелось оставаться в пустом доме. Возле моря я чувствовал себя менее одиноко. «Я не одна, я с морем…» — никогда не понимал этого у Наташки, но вот, сам пошел к нему, словно к живому человеку, даже больше — к старому другу, с которым можно и помолчать, и поговорить.

Наташка…

…После того вечера, когда она принесла пирожки, мы долго не виделись. Помню, пришёл к ней утром, думал заглянуть на минутку по дороге на пляж, поблагодарить за вчерашнее — казалось неправильным этого не сделать. Но Наташки дома не оказалось, и я наговорил неумелых комплиментов её бабушке, и возвращаться уже не было смысла — я не искал встречи именно с Наташкой, девчонка как девчонка, не самая интересная и не особо красивая. К тому же я не собирался заводить тут знакомства и с кем-то дружить. Мне надо было просто дождаться возвращения родителей, которые уехали на месяц в Питер к другой моей бабушке — папиной маме. Но все же мы встретились с Наташкой, случайно, где-то через неделю после пирожков.

День выдался пасмурный, небо затянуло тёмными тучами, казалось, вот-вот ливанет. Море стало серым и неприветливым, шумело, недовольно швыряло на берег волны, водоросли и ракушки. Ночью прошёл дождь и песок был влажный, неуютный. Но я всё равно пришел на пляж — просто прогуляться, чтобы успокоить бабушку, которую тревожило, что я безвылазно сижу за компом. Было проще выбираться на час-другой из дома, чем спорить и выслушивать нотации, а то и вовсе полоть грядки на огороде — как-никак на свежем воздухе. Из всех этих соблазнов я выбирал море.

Отдыхающих почти не было. Наташка в одиночестве сидела прямо на песке у самой воды — волны время от времени накрывали её ноги. Сегодня она была в джинсовых шортах и лёгкой кофте, а волосы замотала в большой узел на макушке. В руках — все тот же Драйзер. Я покосился на её дом — в предыдущие дни из него доносилась музыка, всегда разная, Анюта частенько мелькала в саду, но сегодня дом выглядел притихшим и неприветливым. А потом я разулся и опустился на песок рядом с Наташкой. Она бросила на меня взгляд и снова уткнулась в книгу, даже не кивнула. И я молча сидел рядом, глядел на волны, на чаек, которые толпой кружили на одном месте и галдели. Украдкой поглядывал на Наташку. Наконец, не выдержал:

— Не скучно?

Наташка уставилась на меня, не понимая. Показала книгу.

— Ну, сидишь тут... Одна...

— Я не одна.

Я усмехнулся:

— С книгой?

— С морем.

Она ответила вполне серьёзно, без улыбки, и без намека на язвительность. И я понял — Наташка не шутила. Она реально так чувствовала. Море для неё — больше чем просто много солёной воды.

Я растерялся — не придумал, что на такое сказать. Её слова были одновременно и чем-то бредовым, и чем-то правильным. Я ведь и сам от нечего делать пришел к морю — может как раз поэтому? Не хотел чувствовать себя одиноким?

Наташка подождала с минуту, но я молчал, и она отвернулась, чтобы продолжить чтение.

— А твоя бабушка тоже читает? У вас тихо сегодня...

Наташка облизнула губы, уставилась вдаль:

— Ей... Нездоровится сегодня. Мигрень.

Звучало странно — мигрень, слово — будто из старого романа про кисейную барышню, и я невольно улыбнулся, но спохватился, стал чесать нос, чтобы это скрыть — Наташка выглядела озабоченной.

— Это… голова болит?

— И это тоже.

Она глядела серьёзно, словно пыталась понять, что мне нужно, зачем я мешаю ей читать и лезу с расспросами.

— Пирожков пока не будет, — сказала она.

На миг я опешил.

— Да нет, я не… Я просто так спросил!

Я отсел от неё подальше — задели эти её слова про пирожки. У меня ведь правда мысли не было. Наверное, надо было просто встать и уйти, но я медлил. Чувствовал, что Наташка смотрит, но сам глядел под ноги — ковырял песок выброшенной на берег палочкой и молча злился.

— Кстати, меня Наташей зовут.

Я уставился на неё, вообще перестав что-либо понимать. Наташка смотрела без злобы, даже слегка улыбалась, будто протягивала оливковую ветвь или что там используют в знак мира. И я вдруг осознал, что мы и правда толком не познакомились.

— Олег, — буркнул я. Надо было улыбнуться, но не вышло.

— Я помню. — Она показала мне «Американскую трагедию». — Читал?

Я помотал головой.

— Не, я другое люблю. Фантастику. Ну и детективы.

На самом деле я крайне мало читал. Книга-другая в год — уже достижение. Я больше любил футбол и компьютерные игры. Но отчего-то постеснялся признаться. Наверное, увлечения Буффоном[14], «Героями меча и магии» и «Халфой»[15] самому показались несерьезными, даже детскими.

— Саймака читал?

Я мотнул головой, буркнул что-то про Лукьяненко. Наташка оживилась, вспомнила «Дозоры», но я не дал ей развить книжную тему, в которой чувствовал себя неуютно:

— А ты в пятых «Героев» играла?

Компьютерные игры, судя по всему, мало её интересовали.

---

[14] Джанлуиджи Буффон — голкипер, легенда футбола, вратарь сборной Италии с 1997 по 2018 год.

[15] Популярные компьютерные игры. «Герои меча и магии» («Heroes of Might and Magic») — пошаговая фэнтези-стратегия с элементами RPG, Олег играл в свежую пятую часть. «Халфа» — разговорное название «Half-Life», шутер от первого лица (всех убью, один останусь), Олег играл в «Half-Life 2».

— Нет, только в Симс[16] немного, — она мотнула головой и снова уткнулась в книгу…

Как же мне сейчас не хватало Наташки! Я не просто скучал, я остро ощущал, что потерял её, что теперь между нами нечто практически непреодолимое. Окружающая меня обстановка то и дело воскрешала что-то в памяти, и воспоминания были такими яркими, что хотелось тут же поделиться с Наташкой, обсудить, посмеяться вместе. Но больше я не мог сказать ей: «А помнишь?..» Как будто вся память осталась только для меня одного. Я хотел увидеть Наташку, пытался попасть к ней, как тогда, в библиотеке. Думал о ней, представлял нашу квартиру, решительно вышагивал по пляжу, топая и оставляя на песке глубокие следы, даже жмурился от напряжения — старался «шагнуть» к Наташке, как объяснял травиат. Тщетно. Не получалось.

Эту ночь я снова провёл на пляже, как и весь следующий день, и следующую ночь, вернуться в дом решился под утро, когда небо порозовело. Всё осталось таким же, как мы с травиатом и оставили — тарелка с недоеденными бутербродами, кружки с остатками алкоголя — травиат даже то немногое, что я ему плеснул, не осилил. Два дня прошло, а ликер не испарился, сыр ничуть не заветрился, но это не удивляло, я уже понял, что жизнь тут замерла. Убираться не стал, вместо этого сварил себе крепкий кофе, выплеснул в него остатки амаретто — не пропадать же добру, лучше насладиться, пока помню вкус. Снова выбрал кружку из Анютиной коллекции, одну из самых старых, вручную расписанную каким-то художником-абстракционистом — точки и линии узора ощущались под пальцами, и это делало кружку чуть более настоящей и живой, чем всё остальные. Постоял в Наташкиной комнате. Возникла шальная мысль прочитать Драйзера, но все внутренние страницы оказались заполненными какой-то абракадаброй — имитацией текста. Видимо, с книгами всё работало так же, как и с едой. Так что я снова вернулся на пляж и долго сидел, глядя на горизонт. Кофе в кружке закончился. Море пошумело и успокоилось, наступил полный штиль. Я пробовал петь, в полный голос, все подряд, от «Арии» и «КиШа» до Киркорова и Анны Асти, когда не знал слов — придумывал сам, любую чушь, лишь бы не слушать тишину. Потом встал и побрёл по пляжу в сторону Учкуевки. Не то чтобы у меня был какой-то план, просто шёл, листая в памяти воспоминания о Наташке.

После той неуклюжей встречи на пляже мы стали каждый день гулять вместе. Ну как гулять. Один из нас (чаще — Наташка) заходил за другим, и мы шли в какое-нибудь тихое место. Наташка читала, я молча сидел рядом, наблюдал за тем, как меняется её лицо, и пытался угадать, что происходит в книге. Иногда мы ходили купаться, смеялись и плескались на мелкоте или, наоборот, уплывали чуть ли не за горизонт. Вместе сходили на вторых «Пиратов Карибского моря», а потом — на «Возвращение Супермена». Я в эмоциях и лицах пересказывал ей финал Чемпионата мира по футболу, снова и снова показывая, как легендарный Зизу боднул в грудь Матерацци[17]. Мы не держались за руки и тем более не целовались — куда там. Мы и разговаривали мало: прочитанное или увиденное обсуждали минимально, не делились планами на остаток лета, не рассказывали о себе. И не понятно, что нас свело и держало вместе. Но, казалось, нам обоим было уютно.

Сейчас мне не хватало этого уюта — Наташкина близость всегда успокаивала. Я возвращался домой после изматывающего рабочего дня, садился рядом с ней, смотрел, как она возится по хозяйству или читает — и отпускало. Вот и теперь мне нужно было побыть возле неё. Возможно, это помогло бы принять и смириться. Но Покой не хотел отпускать меня.

Наступило утро, густое, тягучее, с лёгкой дымкой тумана. Я встретил его на пляже Учкуевки. Сидел на забытом шезлонге, смотрел, как солнце переползает из моря на небо, медленно,

---

[16] Компьютерная игра «The SIMS» в жанре симулятора жизни, очень популярная в те годы, особенно среди девочек.

[17] Один из самых эпичных моментов в истории футбола. На последних минутах дополнительного времени в финале ЧМ-2006 Зинедин Зидан (Зизу), капитан сборной Франции, не сдержал эмоций и ударил головой в грудь Марко Матерацци, игрока сборной Италии. В результате Зидан получил красную карточку и был удален. Скуадра Адзурра вырвала победу по пенальти и стала Чемпионом мира. До слез жаль Зидана, но Viva Italia.

словно нехотя. Или мне так казалось от тоски и безделья. Где-то фоном в голове маячила мысль: смогу ли я добраться до родительской квартиры в Севастополе. Дойти до причала на Северной — не проблема. А дальше? Переплыть бухту, наверное, смогу — утонуть мне не грозило. Наверное, как пираты из фильма, смог бы пройти прямо по морскому дну. Потом пешком до Камышей… План не казался таким уж безумным. Но и смысла в нем не было. И все же я обдумывал его, вспоминал дорогу. А заодно и до Наташкиной квартиры на Корабелке — вдруг это поможет попасть к ней настоящей.

Я так и не понял, что сделал и сделал ли что-то вообще. Сидел на шезлонге, смотрел на море, моргнул — и вдруг оказался в Офицерском переулке в Питере, сразу у выхода из арки, что ведет к Ждановской набережной. Впереди розовеет дом, в котором мы жили с Наташкой.

Нужна секунда, чтобы понять, что происходит. Кажется, я перестаю дышать. Если вообще дышал до этого. Звучит банально, даже пошло, но буквально бросает в холодный пот, я даже чувствую, как капля стекает по позвоночнику. Но шевельнуться не могу. На миг кажется, окружающие дома движутся, наступая на меня, делая не слишком широкий переулок совсем тесным.

Они встретились — Наташка и Марина.

Шила в мешке не утаишь? Особенно, когда таить больше некому. Вот мой секрет и нагнал Наташку.

— Я уже была у нотариуса… — Марина переступает с ноги на ногу. Возле неё мальчишка лет пяти, с любопытством глядит на Наташку, потом начинает разглядывать незнакомую улицу. У него ясные серые глазёнки, точь-в-точь как у меня. Челка выбилась из-под шапки — весна в этом году выдалась прохладной. Куртка ему велика, и рукава пришлось подвернуть — Марина купила навырост.

Мой сын.

Не думал, что мы познакомимся вот так.

У него мой подбородок. И вообще он удивительно напоминает меня на детских фотографиях.

— Почему я должна вам верить? — Наташка говорит тихо. Ветер бросает прядь волос на её лицо, но Наташка не обращает внимания. Она вообще кажется окаменевшей, губы еле шевелятся, взгляд впился в Марину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.